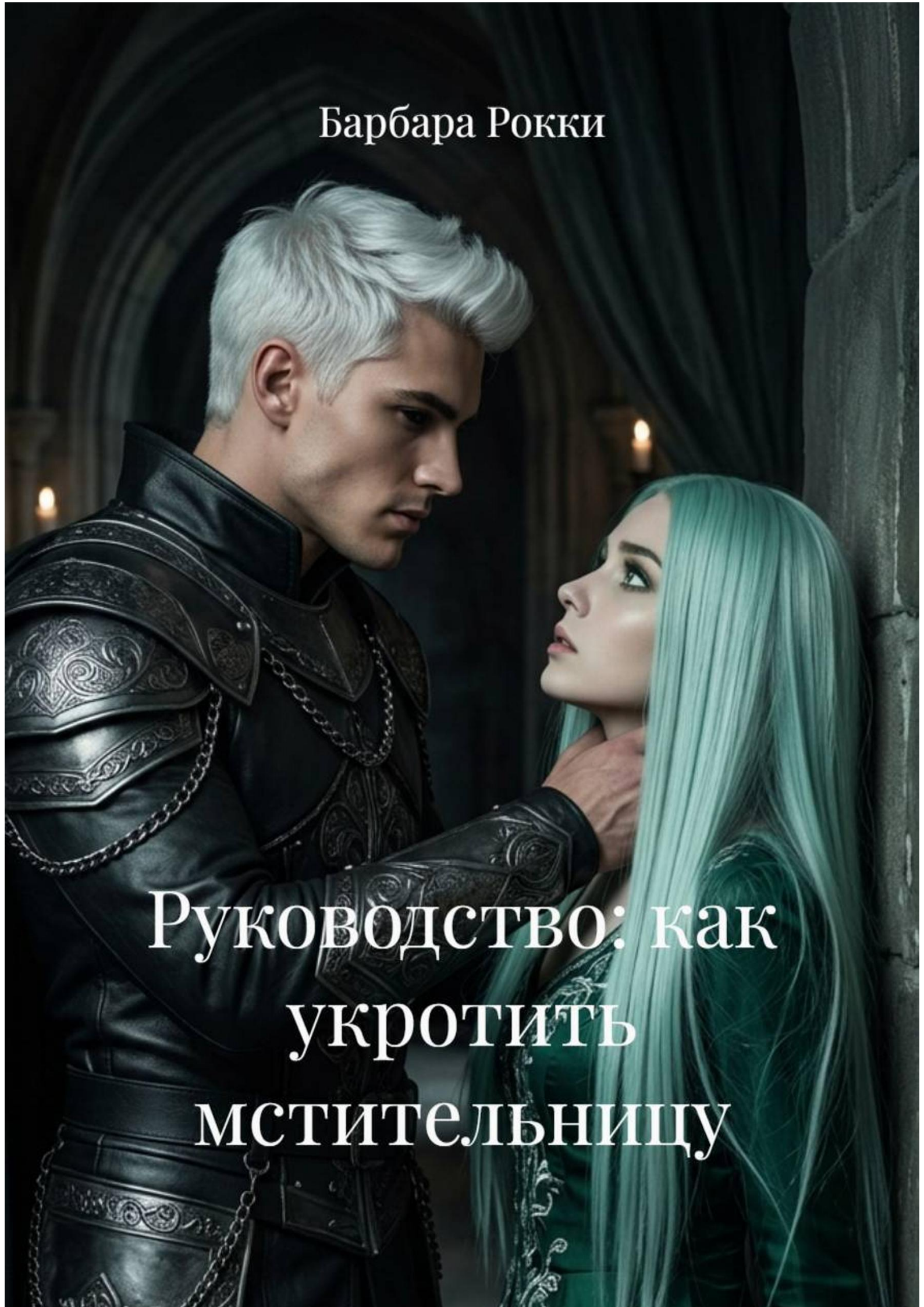

Барбара Рокки

Руководство: как
укротить
мстительницу

Барбара Рокки

**Руководство: как
укротить мстительницу**

«Автор»

2026

Рокки Б.

Руководство: как укротить мстительницу / Б. Рокки — «Автор»,
2026

Марсела Вернандер жаждет отомстить за гибель родителей — её цель — покарать того, кто повинен в их смерти. Но её планы рушит встреча с одним знатным господином: он опасен, властен, и в его облике сквозит непреклонная сила. Что в итоге возьмёт верх — неукротимое желание мести или пробуждающиеся к нему чувства?

© Рокки Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча	5
Глава 2. Знакомство с отважным воином. Горячий инцидент	15
Глава 3. Тайное намерение Андраса. Первая романтическая прогулка	23
Глава 4. Невольное помешательство	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Барбара Рокки

Руководство: как укротить мстительницу

Глава 1. Встреча

Моя история начинается с трагических событий, которые ранили моё сердце и растерзали душу, словно дикое животное, вцепившееся когтями в самое хрупкое, что у меня было. Ровно десять лет назад я потеряла всю свою семью — и с тех пор тишина в нашем доме стала громче любого крика.

Моя земля Лилана находилась на южном краю от центра королевства Хазим — такой далёкой и в то же время такой родной, будто сама природа шептала мне: «Ты здесь своя». На ней проживал славный род Нима, управлявший этим уделом. Я принадлежала к этому роду. Все представители нашего рода отличались вольным характером, умом и справедливостью, а также невероятным магическим мастерством — и теперь эти достоинства казались мне не даром, а проклятием, ведь именно это и стало печатью смерти, наложенной на мое отечество недругами.

В тот день поступил приказ моему отцу — лорду Мару Ниму, главе рода, — от Великого Архонта о повышении налогов земли Лиланы на непосильные тридцать процентов. При этом в остальные девятнадцать земель, как я выяснила позже, данный налоговый закон не вводился. С возрастом я поняла, что это было провокацией, лишь поводом к тому, чтобы законно сменить власть на более удобную и послушную центру.

Когда отец отказался исполнять приказ, в его голосе звучала не дерзость, а твёрдая уверенность человека, который знает цену чести, который любит свой народ и не боится ничего, кроме своей совести. Я помню, как он стоял у окна, глядя на палящее солнце, освещающее всю комнату, и тихо произнёс: «Мы не позволим сломать то, что строили поколениями». Эти слова до сих пор звенят у меня в ушах, словно предвестники беды.

В этот же день, вечером, на нас напали войска Великого Архонта. Они перебили всех: моего отца, матушку, сестрёнку... Не позадили никого. Каждый раз, когда я пытаюсь вспомнить их лица, перед глазами встаёт лишь кроваво-красный свет, заливающий коридоры и залы. Мне удалось укрыться в лесу — я бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и царапая руки о ветки, а в голове стучала единственная мысль: «Только бы не дышать, только бы не выдать себя». Я знала, если во мне потухнет жизнь, кто пронесет эту боль, кто омоит реки кровью наших врагов.

Воспоминания о том дне обрывочны — мне было восемь лет, и разум, словно милосердный страж, прятал от меня самые страшные картины. Но багровый цвет, в который окрасился наш дворец, до сих пор является мне во снах.

Моя дальнейшая судьба зависела только от меня — и от этой мысли внутри всё сжималось от страха и одновременно разгоралось упрямое, почти отчаянное пламя: я не позволю страху победить. Моим главным врагом стал Архонт, и с каждым днём ненависть к нему сплеталась в груди с горечью, острой, как осколок разбитого зеркала. Я поняла, что живу для того, чтобы восстановить справедливость, изменить судьбу этого королевства — и эта цель стала моим якорем в бушующем море одиночества. Я желала смерти Архонту, только эта мысль позволила мне сохранить рассудок и жить дальше, позволила оправдать, то что они умерли, а я осталась жива.

Я сменила своё имя и фамилию, будто сбрасывая старую кожу, чтобы никто не нашёл во мне ту испуганную девочку из рода Нима. С того дня я жила жизнью Марселы Верандер. Новое имя на языке ощущалось непривычно, словно чужая маска, но я повторяла его снова и

снова, пока оно не стало звучать как правда. Я приняла решение о том, что должна поступить в Академию магии при дворе всемирного Архонта. Это было бы началом моего пути мести, к тому же, я понимала, что мала возрастом, в мире выжить мне было бы практически невозможно самостоятельно, а академия стала бы для меня приютом, который дал мне еду, кров и образование, пусть и не то, которое должна получить девочка из знатного рода. Об академии я слышала от отца, так как знала, что все дворцовые слуги были выходцами из нее. Лорды всех земель доверяли качеству образования тех мест, при этом наиболее талантливые из выпускников могли пройти специальные курсы и стать личной охраной лордов.

Десять дней, в возрасте восьми лет, я добиралась до Академии магии при дворе всемирного Архонта. В Академии я проходила испытания, необходимые для посвящения — жёсткие, безжалостные, выжимающие из меня все силы. Помню, как дрожали мои руки, когда я впервые подняла взгляд на суровые лица экзаменаторов, и как внутри всё кричало от желания развернуться и убежать. Но я стояла прямо, глядя вперёд, потому что знала: если сейчас дрогну, то предам себя, свои же убеждения. Когда мне объявили, что я принята, в груди вспыхнуло что-то новое — не радость, а твёрдая, холодная решимость.

— Эй, Марсела, чего застыла, будто статуя? — внезапно спросила моя соседка по комнате Анна, вырвав меня из урагана внезапно нахлынувших воспоминаний.

— Да думаю о том, какой большой путь мы прошли... — Я улыбнулась, но улыбка вышла грустной: она словно предавала меня, выдавая каждую мою мысль.

— Это всё очень здорово, но хочу напомнить: сегодня самый важный день в нашей жизни! Конец обучения — мы узнаем, к лорду какой земли нас представят! — Анна подпрыгнула на месте, глаза у неё горели, как два ярких огонька. — Собирайся скорее! Надо быть такими красивыми, чтобы даже деревья в саду завидовали.

— В нарядах нет смысла: распределение произойдёт по проверке объёма силы и её качества. — Я покачала головой, пытаюсь вернуть её с небес на землю.

Анна всегда была мечтательницей. С самого первого дня мы стали с ней неразлучны. Вместе учились управляться с магией, которая то и дело выходила из-под контроля, создавая нелепые ситуации. Однажды мы были на уроке магической истории. Как всегда, сидели вместе, словно птички-неразлучники. Профессор Кикидор монотонно рассказывал:

— Великие божества преподнесли человечеству магические дары: Гелеф дал огонь, Каила — воду, Крон — землю, Палис — воздух, Флан — разум. Эти элементы называются первородной магией. Её обладатели встречаются крайне редко. От первородной магии произошли другие виды волшебства, которые называются профильными магическими силами. Например, магия льда, тумана, морока, — спокойным голосом докладывал профессор.

— Марсела, ты же владеешь этой редкой магией воды... как там... первородной — шёпотом, наклонив голову ко мне и прикрыв рукой рот, чтобы не услышал профессор, говорила Анна.

— Это так, но главное — это как ты владеешь своими чарами. Например, ты в использовании своей магии целителя невероятно преуспела. Исцеляешь меня каждый день от этих серых, тоскливых занятий — так же шёпотом ответила я Анне, тепло улыбнувшись ей.

В груди отчего-то становилось легче, стоило только взглянуть на её живое, полное энергии лицо. Она тихо начала посмеиваться.

— Давай покажу профессору, что у меня первородная магия — сказала я Анне, подняв одну бровь с ехидным выражением лица. Внутри всё трепетало от дерзкой, детской затеи — хотелось хоть на миг нарушить эту тягучую, монотонную тишину урока.

— Эй, что ты задумала? — спросила Анна, смотря на меня слегка напуганными глазами. В них читалась не только тревога, но и то самое предвкушение шалости, которое мы обе так любили, хоть и старались делать вид, что мы — самые прилежные ученицы.

Я вытянула указательный палец, направив его в сторону статуэтки льва, которая стояла на столе профессора, а затем выпустила небольшую водную пулю. Она сорвалась с кончика пальца стремительной, сверкающей каплей и с лёгким стуком сбила статуэтку. Та упала, глухо звякнув, и в классе на мгновение воцарилась звенящая тишина.

Досталось мне сильно в тот день: выговор, дополнительные отработки, долгие нравоучения о том, как опасно бездумно использовать силу... Но даже тогда, стоя перед строгим взглядом профессора, я не могла стереть с лица едва заметную улыбку — ведь в глазах Анны я видела не упрёк, а восхищение и ту самую искру, ради которой стоило рискнуть.

А нынче нам уже по восемнадцать лет, все уроки позади, и эта мысль сильно меня радует — словно тяжёлые двери академии наконец распахнулись, выпуская нас во взрослую жизнь. Но одновременно она доставляет острую, щемящую боль: ведь мы с Анной разведемся, наши пути разойдутся по разным землям, и жизнь уже никогда не будет прежней. И от этой мысли хочется одновременно и смеяться, и плакать.

Потратив на сборы полчаса, мы наконец-то вышли в сад, который находился в центральной части академии. Он был переполнен такими же выпускниками и выпускницами, как я.

Я посмотрела, прищурив свои зелёные глаза, на мансардные окна, выходившие в сад, — они пустовали. Все знали, что именно через них будут смотреть на нас посланники глав орденов. Я уже представляла их надменные, оценивающие взгляды: их лорды хотели набрать себе прислугу, которая будет выполнять различные работы во дворцах.

— Моя судьба решена: я стану придворным лекарем, — уверенно сказала Анна. — Но моей мечтой остаётся дворец Архонта в столичной земле Микелне. Но туда невероятно сложно пробраться: берут только выдающихся талантов. А ты куда хотела бы попасть?

— Так же, — стиснув зубы, сказала я. — Мне просто жизненно необходимо попасть туда, Анна. У меня нет вариантов.

— У тебя необычная магия. Наверняка тебя возьмут именно туда: на нашем потоке больше ни у кого нет первородной магии, — с искренней улыбкой и мягким голосом ответила она.

— Мне надо отойти в уборную, — промолвила я, а в глазах кипела ярость от разговора об Архонте.

Я вышла из сада, заполненного людьми, на лестничный пролёт, ведущий на второй этаж академии. Шум и гомон остались позади, а здесь, наверху, воздух будто стал гуще.

Поднявшись, я шла по коридору, не поднимая глаз, глядя себе под ноги. Коридор был наполнен не просто молчанием, а каким-то звенящим умиротворением —будучи резким контрастом к бурлящему саду. Но это спокойствие лишь сильнее подчёркивало бурю внутри меня. Мои мысли вновь затуманивали ненависть и гнев — тяжёлые, едкие, словно дым от жженого пластика, они разъедали рассудок. Я ненавидела это чувство, потому что слишком хорошо знала: оно ослепляет, лишает осторожности, заставляет совершать ошибки. А сейчас мне нужно было быть холодной, собранной, не выдать себя ни взглядом, ни жестом — не дать этим эмоциям разрушить все планы, к которым я шла столько лет.

Сжав руки в кулаки так, что ногти впились в ладони, я почти бежала, не замечая ничего вокруг. И вдруг нога скользнула по гладкому камню пола — я поскользнулась, подлетела и, потеряв равновесие, распласталась на холодном полу коридора. Удар отозвался тупой болью в локтях и спине.

Мой взор упёрся в высокий потолок с витиеватой лепниной, и от нелепости ситуации у меня вырвался короткий, нервный смех. В голове мелькнула горькая мысль: «Вот он, знак: если не научусь держать себя в руках, то в следующий раз упаду не на пол, а прямоком на гильотину, так и не расправившись с Архонтом».

Я встала, торопливо отряхивая одеяния, и параллельно ощупывала локти и ладони — проверила, не ушиблась ли. «Ничего, бывает... Главное, никто не видел», — подумала я, поднимая голову и стараясь вернуть лицу привычное спокойное выражение.

И тут же моё сердце будто пропустило удар. Передо мной стоял высокий мужчина — очень высокий. Я сама не из низких, но он возвышался надо мной, словно башня, — два метра ростом, не меньше. На нём был серый дорогой костюм, сидевший идеально, будто сшитый специально по его фигуре. Белые волосы слегка растрепались, придавая ему не небрежность, а какую-то хищную, опасную элегантность. Он наклонил голову чуть набок и смотрел искоса, надменно, с едва уловимой презрительной полуулыбкой. Его чёрные глаза скользили по мне, как по пустому месту, — холодные, равнодушные, они смотрели на меня так, будто я была не больше, чем пылинкой, случайно попавшей в поле его зрения.

В груди всё сжалось, и на мгновение гнев уступил место другому чувству — острой, колючей уязвимости. Я выпрямилась, расправила плечи и заставила себя не отводить взгляд. Пусть он видит не испуганную девочку, а ту, кто знает, чего хочет, и готов бороться за свою судьбу.

— Что? Никогда не видел, как человек падает? — спросила я нервно, чуть прикрикивая — голос дрогнул, выдавая и злость, и неловкость, и желание хоть как-то вернуть себе контроль над ситуацией.

— Ну, такой красивый полёт точно никогда не видел — ответил он, приподняв обе брови. Лицо оставалось совершенно спокойным, будто он наблюдал не за опозорившейся девушкой, а за чем-то заурядно-забавным.

— Как здорово, очень рада, что рассмешила такого ба... — начала я, но осеклась на полуслове. Слова застряли в горле, когда до меня вдруг дошло: я никогда раньше не видела этого мужчину. Это точно не профессор и не работник академии. А если так — значит, это представитель одного из лордов. Осознание ударило, как ледяной водой: ставки мгновенно взлетели, и каждая моя фраза теперь могла стоять мне будущего.

Я расплылась в неловкой улыбке, резко сменяя тон с дерзкого на притягательно-милый — будто одним движением могла стереть из его памяти и падение, и свой резкий выпад. Улыбка вышла натянутой, и я чувствовала, как она дрожит на губах, выдавая моё напряжение.

— Ух, могли бы и помочь, господин — наигранно засмеялась я, но смех прозвучал фальшиво, тонко и звонко, как треснувшее стекло.

Он продолжал смотреть на меня тем самым странным взглядом, от которого становилось не по себе: в нём не было ни злости, ни участия — только ледяное, неприкрытое чувство превосходства. И от этого взгляда меня пробирало до мурашек, будто я стояла перед ним не в парадном платье выпускницы, а в чём-то нелепом и слишком маленьком.

«Представитель лорда... Ух ты, какой крутой и нахальный парень. Конечно, кто я такая, чтобы он мне помогал», — мелькнуло в голове, и внутри всё сжалось от горькой смеси обиды и упрямого желания не показать эту обиду ни единым движением.

— «Такого» — это какого? — твёрдым, ровным голосом спросил мужчина в сером костюме. В его тоне не было любопытства — скорее вызов, будто он хотел поймать меня на слове и заставить признаться, что я сама не знаю, что говорю.

— Такого красивого мужчину — мило промолвила я, опустив ресницы и придав лицу фальшиво-виноватое выражение. Я надеялась, что моё красивое личико и женское обаяние хоть немного растопят этот ледяной взгляд и позволят забыть о неловкой ситуации. В тот момент я была готова сыграть любую роль — лишь бы не выглядеть слабой.

Он ничего на это не ответил. Просто окинул меня быстрым, оценивающим взглядом — с ног до головы, будто сканировал не внешность, а саму суть, выискивая скрытые изъяны. А потом развернулся и пошёл дальше по коридору, не оборачиваясь, не замедляя шага, словно я перестала существовать сразу же, как только перестала быть забавной.

Я ещё секунду стояла, чувствуя, как внутри всё дрожит от смеси унижения и упрямой злости на саму себя за эту нелепую ситуацию. А потом резко выдохнула, опустила плечи, будто сбрасывая с них невидимый груз, и быстро спустилась вниз, снова выйдя в сад. Шум голосов и смех выпускников накрыли меня, как тёплая волна, и на мгновение стало чуть легче — будто среди людей я снова могла спрятаться и стать просто одной из многих.

— Быстрее, сюда, Марсела! — крикнула мне Анна, махая рукой. — Уже заносят измерительную сферу магической силы!

Я посмотрела на мансардные окна вновь и увидела, что там уже собрались представители лордов от всех земель. Сильнее прищулив глаза, я разглядела того самого мужчину в сером костюме — его взгляд был направлен прямо на меня. «Только бы он не был от столичной земли... Это всё, о чём я мечтаю сейчас» — пронеслось у меня в голове.

— Внимание! Уважаемые маги, выпускники! Преследуя многовековую традицию нашей академии, объявляю выпускной вечер открытым! Каждый из вас должен будет подойти к сфере, расположенной в центральной части сада на пьедестале, приложить свою руку к ней, после чего дожидаться вердикта лордов о вашем направлении в их земли. Также вам будет присвоена придворная профессия — громко объявлял директор академии Магнус Лютербунг.

Я стояла с гордо поднятой головой, выслушивая все наставления директора, и внутри меня крепла уверенность. Я преисполнилась мыслью о том, как талантливо проявляла себя на уроках магического мастерства. К тому же у меня была отличная успеваемость. Профессора не раз отмечали мой пытливый, гибкий ум — и сейчас эти слова словно придавали мне сил, напоминая, что я заслуживаю своего места под солнцем.

— Агнису Пилис прошу пройти к сфере — объявил директор.

Агниса подошла к сфере. После пятиминутного совещания хозяев торжества директор огласил вердикт: она направляется в дворец лорда Грасса, что в землях Мисси, в должности придворного повара.

После неё прошли ещё тридцать человек, среди которых была и Анна — её направили лекарем в земли Рапуна. И вот, спустя два часа, очередь дошла до меня.

— Марсела Вернандер, прошу подойти к сфере — раздался голос директора, и от этих слов по спине пробежал ледяной холодок, будто кто-то провёл по коже остриём стилета.

Я стремительно пошла в центр сада, обходя толпу людей. В груди всё сжалось, каждый шаг отдавался глухим стуком в висках. Поджав губы, я подняла взгляд к небу — по синему полотну медленно плыли редкие облака, такие спокойные.

Я дотронулась до сферы, и её гладкая, чуть прохладная поверхность отозвалась едва уловимой вибрацией под пальцами. В тот миг я думала лишь об одном: «Мне очень надо попасть в столицу. Только туда. Пожалуйста, пусть всё сложится».

Затем я развернулась в сторону мансардного окна. Там началось оживлённое обсуждение моей персоны — конечно же слышно, о чем они говорят не было, да и догадаться было невозможно. Но вдруг мужчина в сером костюме, с которым я столкнулась в коридоре, что-то произнёс — и в ту же секунду все разговоры уважаемых господ прекратились. Шум оборвался, будто кто-то резко дёрнул за невидимую нить. Обсуждение прекратилось, так и не успев по-настоящему начаться, и от этой внезапной тишины стало ещё страшнее. Наступила звенящая пауза — момент истины, которого я так ждала и так боялась.

— Марсела Вернандер, вы отправляетесь к лорду Андрасу Палинит, что в землях Карели — с лёгким удивлением в голосе сказал директор. Он сделал небольшую паузу, словно сам не до конца верил в то, что произносит, а потом продолжил, уже твёрже: — В должности придворной служанки.

— С-служанки? — вырвалось у меня дрожащим голосом, который тут же выдал всё: шок, боль, крушение надежд. Мир будто раскололся на осколки, и каждый из них резал изнутри. Мои мечты, столько лет лелеемые, рассыпались в прах. Земли Карели... Самая дальняя земля

в королевстве — крошечная, почти безлюдная, затерянная на краю мира. А должность служанки... Это звучало как насмешка, как жестокий удар ниже пояса. «Это неправда, — мелькнуло в голове. — Это какая-то ошибка, дурной сон. Сейчас кто-то рассмеётся и скажет, что это шутка».

Директор лишь утвердительно наклонил голову, будто этим простым движением окончательно запечатал мою судьбу, и тут же объявил следующего выпускника. Его голос звучал где-то далеко, словно сквозь толщу воды.

«Да мы просто для них нелюди... Игрушки. Они будут издеваться над нами, как захотят. Мы — рабы положения, рабы жизни, рабы судьбы. И у меня даже нет права возразить, отказаться...» — эти горькие мысли кружились в голове, острые и безжалостные, как осколки стекла.

— Марси, я не могу просто в это поверить... Кто-то точно строит тебе козни! За последние годы представитель лорда Андраса никого не выбирал. Никто даже не знает, как он выглядит — с округлыми от потрясения глазами прошептала Анна, схватив меня за руку. Её пальцы были тёплыми, живыми — и эта теплота на мгновение пробилась сквозь мое ледяной оцепенение.

Я ничего не ответила. Не было слов, способных описать то, что творилось внутри: смесь ярости, отчаяния и какой-то упрямой, глухой решимости. Но в глубине души я уже знала: это не конец моей истории. Я не позволю этому назначению сломать меня. Я справлюсь. Добьюсь своего, любыми способами. Надо только придумать как.

Я чувствовала, как меня охватывает жар, а в висках нарастает тупая, давящая боль — мигрень накатывала волнами, словно тело отказывалось принимать реальность. Дрожь ломала кости, а мрачные мысли терзали душу, но где-то в самой глубине, под слоями боли и обиды, тлело одно: «Я не сдамся. Я найду способ всё изменить».

До окончания церемонии я не проронила ни слова. То и дело я замечала, как на меня косятся люди. Кто-то смотрел с чувством превосходства — будто уже заранее считал меня недостойной, кто-то — с сочувствием, и от этих взглядов становилось только горше, а кто-то — с удивлением.

Директор приказал забирать свои вещи, которые были собраны нами заранее, попрощаться со всеми, а затем выходить на главную дорогу, где нас будут ждать экипажи, которые отвезут в дворцы тех земель, куда нас распределили.

И вот я уже стою на дороге и вижу, как роскошные экипажи из нескольких карет забирают новоназначенных магов. Пыль медленно оседает на камни, а в груди всё сжимается от странного ощущения: будто я смотрю на чужую жизнь, а моя собственная где-то потерялась.

Вдруг директор обратился ко мне и сказал:

— Пора, твой экипаж прибыл.

Я не могла поверить своим глазам: передо мной стояла всего одна небольшая карета — скромная, почти незаметная на фоне пышных экипажей. Сердце рухнуло куда-то вниз, но я высоко подняла голову, не позволив ни единой слезинке выдать мою боль. Я направилась к ней, а потом обернулась и отправила воздушный поцелуй своей дорогой подруге. Она шутливо его «поймала» и приложила к сердцу. Её улыбка, такая живая и светлая, дала мне сил, как обычно. Хотя у неё всё сложилось хорошо — за неё мне было спокойно.

Я подошла к карете и приоткрыла тканевую занавеску. И тут дыхание на миг остановилось: внутри непринуждённо сидел мужчина в сером костюме — тот самый, с которым мы ранее встретились в коридоре. Он смотрел в окно, будто весь этот выпускной переполох его вовсе не касался.

— Здравствуйте — произнесла я спокойным, но расстроенным голосом, в котором всё же прорвалась едва уловимая дрожь.

Он даже не обернулся. Этот равнодушный жест ранил сильнее любых слов. Разочарования в этот день, казалось, не собирались заканчиваться — они накатывали волнами, одна за другой.

Добираться было долго — целых пять часов, даже с учётом того, что кучер использовал магию для ускорения кареты. Время тянулось мучительно, будто кто-то нарочно растягивал каждую минуту, превращая её в час. Карета была невероятно тесной. То и дело на выбоинах я сталкивалась ногами с мужчиной, сидевшим, напротив. Каждое такое столкновение отзывалось во мне вспышкой раздражения, смешанного со стыдом — словно я сама была виновата в этой тесноте и неловкости.

После очередного удара я не выдержала. Внутри всё вскипело, и слова сорвались с языка прежде, чем я успела их удержать:

— Вы меня, конечно, извините... Я удивлена, что сижу прямо в карете с человеком, столь глубоко почитаемым лордом, который удостоен такого звания. Спасибо за это — в моём голосе скользнула горькая, едва уловимая ирония. — Однако почему карета всего одна и такая маленькая? Это же нарушает ваше спокойствие в первую очередь! Я уже раз сто пнула вас своими ногами и наверняка ужасно утомила...

— Откуда мне было знать, что я все же возьму в услужение к лорду кого-то? На это я и не особо рассчитывал — сердито ответил он, чуть нахмурившись, будто сама мысль о том, что ему приходится объяснять такие вещи, была ему неприятна.

— Почему вы решили меня выбрать? — спросила я немного нервным голосом, в котором дрожала не только тревога, но и упрямое желание хоть что-то понять в этом абсурдном повороте судьбы.

— Ты смешно упала — коротко бросил он, и в этих словах прозвучала такая ледяная простота, что на мгновение у меня перехватило дыхание.

— Ах, смешно упала... Ну да, точно — ехидно протянула я, пытаюсь спрятать обиду за колкостью. — Извините, конечно, но я не дурочка. Я не верю, что никто больше не хотел с моими данными взять меня в услужение из более властных родов. Как же вам удалось убедить всех, чтобы я отправилась именно к вам, ума не приложу. Может, вы мне и объясните?

— Девушка, уймись. Ты кто такая, знаешь? Я тебе отвечу: служанка, горничная — как хочешь, так и называй. Твоя судьба в руках лорда Андраса, отныне так и будет. А теперь представься ещё раз, позабыл твоё имя.

— Марсела Вернандер, господин... Простите меня, забываюсь временами, — тихо произнесла я, опустив глаза. В голосе не осталось ни ехидства, ни вызова — только усталость и горькое осознание того, какое же несправедливо низкое положение, относительно моей родословной, я занимаю в этом мире.

И тут, среди этой тяжести, я вдруг поняла: этот мужчина не был виновником моего несчастья. Он был лишь вестником чужой воли. Гневаться на него было так же бессмысленно, как кричать на дождь за то, что он мочит тебя до нитки. Не имело смысла и дальше обнажать свои чувства напоказ — они вряд ли кого-то волновали, а мне лишь добавляли вид сумасшедшей, вечно кричащей, дерзкой дамы, что было отчасти конечно правдой.

Я взглянула на него — и вдруг заметила под правым глазом шрам из двух тонких полосок. Они шли параллельно, словно две застывшие слёзы, вытекающие из глаза. И вопреки всему, этот шрам показался мне не уродством, а чем-то почти прекрасным — как след пережитой бури, который не сломил, а закалил. Он ничуть не портил его лицо, а придавал ему ту самую суровую, неприступную красоту.

Путь казался бесконечным. Время тянулось, как густая смола, цепляясь за каждую секунду. Глубокой ночью мы наконец остановились. Я вышла сразу же вслед за мужчиной, торопливо, будто боялась остаться в этой карете хоть на миг дольше. Я подтянулась, расправ-

ляя затёкшие плечи, а затем подняла голову. Из-за тяжёлые тучи выглянула полная луна — её холодный серебристый свет мягко лёг на моё лицо.

Затем я посмотрела на господина. Он стоял передо мной, глядя цепким, пронзительным взглядом — словно коршун, который уже выбрал жертву и теперь лишь выжидал подходящий миг, чтобы броситься. От этого взгляда по спине пробежал холодок, а в груди всё сжалось в тугой узел.

За его спиной высился большой дворец, выполненный в готическом стиле. Остроконечные шпили тянулись к небу, тёмные стены нависали, словно готовые поглотить любого, кто осмелится войти. Он казался мрачным и неприветливым, будто сам воздух вокруг него был пропитан тайной и холодом. В моей памяти тут же вспыхнул дворец на родине — тот, где я, когда-то жила, будучи хозяйкой, а не гостьей. Он был светлым, тёплым, наполненным смехом и жизнью... а этот дворец словно шептал: «Здесь тебе не место».

Господин коротко приказал проследовать за ним, чтобы я осмотрела дворец. И даже пообещал, что меня представят лорду Андрасу. Эти слова должны были звучать как милость, но в них слышалась лишь сухая необходимость — будто меня просто нужно было куда-то пристроить, как вещь, которую наконец доставили по адресу.

Проходя по бесконечным коридорам огромного дворца, я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому своему шагу — он отдавался глухим эхом, будто сам замок был удивлен присутствию кого-то нового. И чем дальше мы шли, тем сильнее становилось ощущение, что дворец абсолютно не заселен. Во многих местах висела паутина, тонкая и серебристая в тусклом свете факелов, словно призрачные нити, связывающие прошлое с настоящим. Пыль лежала ровным слоем на подоконниках, а воздух был неподвижен, как в забытом склепе.

«Похоже, этот лорд — настоящий отшельник» — мелькнуло у меня в голове, и в этом не было ни насмешки, ни осуждения — скорее горькое понимание его одиночества.

Господин шёл уверенным шагом впереди, и даже в этой тишине его присутствие ощущалось физически, как волна холодного воздуха. Его стан был невероятно мужественным и притягательным — в нём чувствовалась сила, не кричащая, а спокойная, словно сталь, закалённая в долгом огне. Спина была такой прямой и мощной, что казалось, будто под пиджаком и правда скрываются массивные наплечники, придающие ему ещё больше внушительности. Каждый его шаг звучал твёрдо, безоговорочно, как приговор и обещание одновременно.

Мне показали кухню, гостиный двор, просторный и гулкий, будто созданный для приёмов, которых здесь не было годами; покои, которые отныне будут моими. А в конце пути меня подвели к двери в главные покои, в которых и жил Андрас.

— Марсела, в эти покои тебе запрещено заходить. Так будет всегда. В них могу входить только я — лорд Андрас, а также мой верный слуга, господин Дэниель, с которым ты познакомишься завтра — отрезал господин в сером костюме, и в его голосе прозвучала такая непреклонность, что спорить было бы не просто глупо — опасно.

— Погодите... Вы и есть лорд? — прошептала я, и глаза мои, наверное, стали огромными от удивления. В голове с оглушающей ясностью сложился пазл: вот почему именно он забрал меня к себе в услужение. Другие лорды на подобные мероприятия, естественно, не ездят — приезжают доверители со списком свободных вакансий. Но что они могли возразить самому лорду, который пожелал видеть меня на своей службе? Осознание накрыло меня, как ледяная волна.

— Да, всё так. — спокойно произнёс Андрас, чуть склонив голову, будто оценивая не только мою сообразительность, но и то, как я справляюсь с этим внезапным откровением. — Ты спрашивала, почему я выбрал тебя. Так знай: я никому не доверяю, кроме Дэниеля. В тебе я увидел тот же взгляд, что и у него. «Глаза ведь многое могут рассказать о человеке», — сказал он, приблизившись ко мне. Его голос звучал тихо, но каждое слово падало, как тяжёлый камень в спокойную воду, вызывая круги, которые расходились по всему моему существу. Он

приподнял мой подбородок пальцем — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже пробежали мурашки. И когда он посмотрел мне прямо в глаза, мне показалось, что он видит не только то, что лежит на поверхности, но и всё, что я так старательно прячу: мои страхи, надежды, упрямую волю к жизни.

— В ваших чёрных, как ночь, глазах сложно разгадать вас и ваши помыслы, господин. Но будьте убеждены: я оправдаю ваше доверие ко мне. В чём будут состоять мои обязанности? — спросила я, стараясь, чтобы голос не выдавал моих эмоций.

— Работы, как ты могла увидеть, здесь очень много. Ты будешь управлять, по сути, всеми бытовыми вопросами. «Хочу, чтобы ты вдохнула в него жизнь» — объяснял лорд, обводя взглядом пустой коридор, будто показывая не стены, а ту пустоту, которую мне предстояло заполнить. — Теперь это твой дом. Располагайся, разбирай свои вещи. И помни: главная твоя обязанность — моё благополучие. Приказы ты должна выполнять беспрекословно. Свою спесь оставь в прошлом. Я требую одного — верности. Есть еще кое-что, но об этом ты узнаешь потом.

После его пятиминутной речи о важности верности и силе его приказов, я направилась в комнату, в которой, по всей видимости, буду жить ещё долго.

Комната оказалась довольно просторной, но в её тишине было что-то настороженное. В ней имелась своя гардеробная, украшенная тонкой резьбой, которая, когда-то, наверное, радовала глаз, но теперь казалась лишь напоминанием о былой роскоши. Простая кровать с аккуратно сложенным в стопку постельным бельём выглядела почти вызывающе одинокой. А ещё здесь был большой балкон, с которого открывался вид на сад. Я подошла к перилам и посмотрела на дорогу, которая привела меня в этот чахлый, заброшенный дворец. Она терялась вдали, тонкая и серая, как ниточка, связывающая меня с прошлой жизнью, которая теперь казалась далёкой, почти нереальной.

Я аккуратно села на край кровати, будто боялась спугнуть тишину этой комнаты, и уставилась на застеклённую дверь, ведущую на балкон. Стекло слегка мерцало в лунном свете, отражая моё усталое лицо, мои прямые, обычно гладкие, длинные волосы цвета бирюзы были слегка потрепаны.

«Какой же странный день... Странный лорд... И дворец его странный, — крутилось у меня в голове, а мысли цеплялись друг за друга, как колючки, не давая ни на секунду расслабиться. — Андрас точно, что-то скрывает. Зачем спустя столько лет брать себе кого-то в услужение? Он никому не доверяет... Но в чём причина? Какой удар судьбы ему пришлось пережить, что теперь его жизнь в качестве лорда выглядит так... будто он похоронил всё, что когда-то любил?»

Я обвела взглядом комнату — пустую, но не враждебную, скорее печальную, словно она тоже хранила чьи-то старые, невысказанные печали. «В дворце нет никого из его рода... Да и вообще, по всей видимости, никого, кроме меня и него. Быть может, он пережил что-то похожее на то, что и я десять лет назад? Потерял кого-то... Или был предан теми, кому верил больше всего?» — эта мысль кольнула где-то глубоко в груди, и на мгновение я почувствовала странное, почти пугающее родство с этим холодным, неприступным лордом. Не потому, что хотела его понять, а потому, что слишком хорошо знала, как это — нести в себе тяжесть, которую никто не должен видеть.

Из-за того, что здесь никого не было из наших прошлых выпускников, об этом месте мне не было известно ничего. Ни слухов, ни сплетен, ни даже намёков на то, что творится в этих стенах. Я оказалась в полной темноте, где каждый шаг мог привести либо к откровению, либо к пропасти.

Я умылась прохладной водой из кувшина, и её холод на миг прогнал усталость. Потом я прилегла в постель. Простыня была свежей, но пахла не цветами, а чем-то едва уловимо пыльным, как будто её долго хранили в шкафу, дожидаясь, когда кто-нибудь придёт и вдохнёт в неё

жизнь. Я свернулась калачиком, подтянув колени к груди, и закрыла глаза. Довольно быстро я уснула — не потому, что усталость отпустила, а потому, что сознание просто не выдержало груза этого дня и отключилось, как гаснет свеча на сильном ветру. Но даже во сне мысли не оставляли меня: я видела обрывки сегодняшнего дня — своё падение, холодный взгляд лорда, дорогу, теряющуюся в темноте. И сквозь все эти образы пробивалась одна упрямая мысль: «Завтра я приступлю к своим размытым обязанностям. Я не знаю, что мне придётся делать, не понимаю, чего ждёт от меня Андрас... Но я справлюсь. Я должна».

И в этой решимости, едва слышной в тишине спальни, было что-то ободряющее — словно даже в самой глухой тьме можно найти крошечный огонёк, за который стоит держаться.

Глава 2. Знакомство с отважным воином. Горячий инцидент

За окном была видна едва качающаяся листва многовековых деревьев. Ночную тьму, густую и непроглядную, можно было почти ощутить — она бережно окутывала замковый сад, пряча его в своём тёмном объятии. Вдруг дверь балкона в комнате Марселы резко распахнулась — и в комнату вихрем ворвался сокол, рассекая тишину стремительным полётом.

— Подъём! Подъём! — раздался резкий, удивительно чёткий голос, будто не птичий, а человеческий.

Марсела дёрнулась, резко приподняла голову и распахнула глаза — в них мелькнул испуг, смешанный с недоумением.

— Подъём! Подъём! — снова прокричал сокол, но тут же оборвал крик, заметив, что Марсела уже вскочила с кровати и стоит, слегка пошатываясь от внезапного пробуждения.

— Ну ты и пугало пернатое! Кыш, кыш, лети отсюда! — Марсела взмахнула рукой в сторону сада, будто пыталась отогнать не только птицу, но и остатки сна.

Но сокол не шелохнулся. Вместо этого он склонил голову, пристально глядя на неё, и произнёс уже спокойнее, но с той же противной интонацией:

— Одевайтесь и проходите в главный зал на первом этаже. Вас ждут.

Марсела замерла на секунду, а потом уголки её губ дрогнули в лёгкой ухмылке.

— Эй, милая пташка, может, для начала представишься? Или у важных посланников имена не положены?

— Я верный слуга господина Андраса. Буду транслировать Вам его указания- звонко проговорил сокол и улетел куда-то в сад, по-прежнему окутанный тьмой.

«Который час? Я абсолютно не выспалась — будто только-только закрыла глаза, а тут этот крик. Здесь невероятно холодно: одеяло слишком тонкое, а от отопительной системы, похоже, одно название. Ни тёплого воздуха, ни хотя бы слабого гудения труб — ничего. Видимо, этот мрачный тип строит из себя тёмного ледяного лорда. И чем холоднее вокруг, тем страшнее кажется его задумка... а моя теория, что в замке абсолютно никого нет, кроме нас двоих, окончательно оправдалась: у него даже среди слуг нет людей. Жуткий тип... Что у него на уме? Зачем я ему? И почему всё это происходит именно со мной?»- размышляла Я.

Я порывисто распахнула чемодан, пошарила среди сложенных вещей и наконец выудила из глубины небольшие часики. Их тихий, почти неслышимый щелчок прозвучал в стылой тишине комнаты особенно отчётливо — а циферблат сухо и бесстрастно подтвердил: пять часов утра. Ни минуты больше, ни минуты меньше.

«Я практически не спала, как мне сегодня использовать свою магию, да и работать в целом. Неужели у лорда такой невыносимый режим. Или он вообще не спит — бродит по этим ледяным коридорам.»

Я перебирала мысли от ощущения, что в замке только я в здравом и ясном уме становилось даже страшно. Мысли о НЕМ пугали меня, но одновременно пробуждали интерес.

Ещё немного посидела на кровати, бесцельно глядя в окно, где рассвет робко пробирался сквозь сумрак, размывая очертания деревьев в сероватую дымку. Потом встряхнулась, прогоняя остатки сонливости, и принялась за сборы.

Движения получались быстрыми, ловкими — будто тело само помнило привычный порядок, пока голова ещё цеплялась за обрывки полусна. Из чемодана я достала свой будничные наряд. Белоснежная блуза с длинными рукавами, расшитая тонким гипюром, казалась одновременно строгой и чуть-чуть элегантной — словно в каждом узоре пряталась капля магии. К ней легли облегающие легинсы, надёжные и удобные, с золотыми защитными вставками на

бёдрах и коленях. Эти детали я продумала ещё в академии и неизменно надевала на тренировки вне стен учебного корпуса, о которых не знала даже Анна, — когда отрабатывала магические боевые заклинания, необходимые мне для реализации плана мести.

После я принялась надевать наручи. Я бережно достала их и надела на запястья. Они были из зачарованного золотого сплава — не просто украшение, а настоящая защита. Для чародея руки — главный инструмент, и любое проклятие, наложенное на них, могло обернуться бедой. Эти наручи не давали тёмным чарам закрепиться, служили барьером между мной и чужой злой волей. Я копила на них целый год, откладывая каждую монету из академической стипендии, и теперь, застёгивая тонкие крепления, ощущала не только тяжесть металла, но и вес собственных усилий.

Закончив, я шагнула к зеркалу в личной ванной комнате и внимательно оглядела себя. В отражении стояла девушка в практичном, но не лишённом изыска наряде — готовая к любому повороту судьбы.

«Ну, красотка, — тихо усмехнулась я себе под нос, — остался последний штрих». И, собрав длинные волосы в тугой хвост, кивнула отражению — будто давая себе молчаливое обещание: сегодня я справлюсь.

Потратив на сборы ровно десять минут — казалось, даже меньше, чем нужно, я вышла из комнаты и направилась к лестнице.

Спускаясь по ступеням, я невольно замедлила шаг. В центре зала, куда я как раз и шла, стоял незнакомый мужчина. Он будто врос в пространство — неподвижный, собранный, сам воздух вокруг него стал плотнее и тише.

На нём были массивные чёрные доспехи, отполированные до зеркального блеска: каждая пластина ловила тусклый свет. На поясе, справа и слева, висели небольшие ножны. В них, без сомнения, покоились два клинка: лёгкие, быстрые, смертоносные.

Лицо мужчины было лишено каких-либо эмоций — ни намёка на приветливость, ни тени любопытства. Только сосредоточенность, острая и неумолимая, как лезвие. Он смотрел куда-то вперёд, будто видел то, что скрыто от остальных.

Сделав глубокий вдох, я расправила плечи и шагнула в зал — не потому, что не боялась, а потому, что отступать было некуда. Подойдя ближе, я уже не могла отвести от него взгляд — и дело было не только в внушительном росте, который будто заставлял само пространство чуть отступить, давая ему место.

Его лицо... оно странным образом напоминало густой хвойный лес после дождя: тёмное, насыщенное, полное скрытой глубины. В нём не было показной мягкости — напротив, всё было как будто закалено множеством боев: прямой рот, чуть пухлые губы, придававшие суровому облику едва уловимую человечность, прямой нос с лёгким заострением на кончике. А брови — густые, выразительные, словно тёмные росчерки, подчёркивали пронзительность взгляда.

Зелёные глаза притягивали, будто в них таилась целая еще ненаписанная история. Они не просто смотрели — они будто считывали, проникали глубже, чем хотелось бы. Шлем он держал в руке, и благодаря этому были видны его волосы — чёрные, слегка взъерошенные

«Таких людей хочется рассматривать долго, — мелькнуло у меня в голове, — словно в каждой черте прячется загадка, которую непременно хочется разгадать». Но тут же я одёрнула себя: восхищение восхищением, а стоять столбом посреди зала — не лучшая идея.

— Здравствуйте! — воскликнула я, чуть склонив голову, проявляя вежливость.

Он не шелохнулся. Лишь чуть крепче сжал край шлема, будто этот металл служил ему опорой, и бросил коротко, твёрдо, даже не взглянув на меня:

— Ожидайте.

«Я конечно рада знать, что в этом месте есть еще кто-то, кроме меня и самодовольного придурка, не оценившего мои таланты, но этот неизвестный красавец в доспехах мог бы хоть представиться. Или здесь так не принято?»

Я простояла в ожидании почти полчаса — время тянулось так медленно, что каждая минута казалась вечностью. Наконец двери, ведущие в сад, распахнулись, и в зал вошёл Андрас. На нём был шикарный смокинг готического стиля — строгий, но с той самой мрачной изысканностью, которая подчеркивала его статусность.

В ту же секунду незнакомый мужчина — тот самый воин в доспехах — опустился на колено. Тяжёлый металл глухо звякнул, отзываясь эхом в зале. Андрас спокойно хлопнул его по плечу, и мужчина тут же поднялся, выпрямившись в безупречной стойке — ни намёка на неловкость, только отточенная покорность и сила.

— Дэл, добро пожаловать домой — произнёс Андрас ровным, уверенным голосом, в котором можно было даже разглядеть теплые нотки.

— Задача выполнена, цель устранена — чётко и без лишних слов ответил Дэл. Его голос звучал твёрдо.

Я стояла чуть в стороне, стараясь не привлекать к себе внимания, но внутри всё сжималось от неловкости. «У них явно доверительные отношения, — мелькнуло в голове. — Такая слаженность, будто они понимают друг друга без слов... А я тут словно случайный наблюдатель, подглядывающий за чужой жизнью. Они даже обмениваются информацией при мне без подробностей, чтобы я точно ничего не прознала.»

— Доброе утро, Марсела — строго произнёс Андрас, окидывая меня взглядом — сверху вниз, холодно и отстранённо, будто оценивал не человека, а предмет, который должен соответствовать определённым стандартам. Его глаза неспешно скользили по моему наряду, и лишь в самом конце задержались на моих глазах.

От этого пристального, почти бесцеремонного осмотра по коже пробежал неприятный холодок, и я вдруг почувствовала себя так, будто стою перед ним совершенно обнажённая — без права на личную тайну.

«Что уставился, придурок, — пронеслось в голове, обжигая вспышкой раздражения. — Ну, я тебе покажу, что со мной такие фокусы не проходят».

Я нарочито медленно подняла взгляд, копируя его манеру, и так же неспешно осмотрела его с ног до головы — от идеально сидящего готического смокинга до безупречно начищенных туфель. В этом взгляде не было восхищения, только холодная оценка, будто я решала, достоин ли он моего внимания. А потом, встретившись с ним глазами, позволила себе лёгкую, едва заметную ухмылку.

Андрас на секунду замер, а потом сделал глубокий вдох — так, словно смирялся не с обстоятельствами, а именно с моим характером.

— Знакомься, это мой друг Дэниэль — произнёс он уже спокойнее, но без намёка на теплоту. — Он, скажем так, на меня «работает». Когда у меня дела, он будет передавать тебе мои поручения.

Андрас отдал Дэлу короткий приказ выйти и ждать его в саду, и, как только тяжёлые шаги стихли за дверью, подошёл ко мне ближе. Теперь между нами оставалось всего несколько шагов — достаточно, чтобы голос звучал тише, а слова обретали вес.

Я не отступила ни на сантиметр. Пусть понимает, что я не из тех, кто пятится от тяжёлого взгляда.

— Сейчас тебе нужно будет прибраться в третьем крыле и подготовить мне ванную, люблю с утра попариться — сказал Андрас, и на его лице мелькнула улыбка. Она не была тёплой или ободряющей — скорее хищной, будто он заранее знал, как эта просьба ударит по моему самолюбию.

— Как желаете — ответила я ровным, безжизненным тоном, старательно пряча за этой невозмутимостью вспышку.

— Тогда держи планировку замка и иди. У тебя есть двадцать минут, пока я обсуждаю дела с Дэлом.

Я взяла лист с чертежом, развернулась и направилась к лестнице, ведущей к третьему крылу. Шаги получались резкими, почти торопливыми, но я старалась держать спину прямой — чтобы даже со спины казаться решительной.

Но не успела я сделать и пяти шагов, как меня окликнул Андрас. Я обернулась — и тут же пожалела об этом. Его взгляд стал ещё острее, в нём читалась какая-то насмешливая игра, от которой по коже пробежал неприятный холодок.

— Подготовься через двадцать минут как следует — произнёс он, и в этих словах прозвучало что-то, от чего внутри всё сжалось. Его глаза, холодные и цепкие, будто прожигали насквозь.

Я резко отвернулась и ускорила шаг, почти побежала вверх по лестнице, не оглядываясь. Но даже не видя его, я чувствовала этот липкий взгляд на себе. Сердце колотилось где-то у горла, а щёки пылали, будто их опалило огнём.

«Что за чёрт... — кружилось в голове, пока ступени мелькали под ногами. — Он просто похабный дьявол. Теперь всё стало понятно: он извращенец. Притащил меня сюда не для дел, а для своих забав. Сделал из меня служанку, игрушку... Рабыню».

Фраза «подготовься...» снова и снова отдавалась в ушах, мерзкая и многозначительная, и от неё хотелось спрятаться, стереть её из памяти, будто она делала меня грязной.

Я взлетела по лестнице на верхний этаж корпуса — туда, где высилась одна из четырёх башен замка. По всему её периметру тянулись мансардные окна, и сквозь них внутрь лился бледный свет только поднявшегося утреннего солнца.

Голова гудела, в висках пульсировала злость — такая острая, что почти заглушала страх. Мысли метались, как загнанные птицы: «Замок слабо защищён... Сбежать не составит труда... Но они где-то снаружи, а они точно не слабые волшебники — меня схватят раньше, чем я добежу до ворот. Ситуация ужасная, безвыходная... Но я найду выход. Обязательно найду». Эта упрямая мысль не давала панике взять верх, держала меня на ногах, заставляла двигаться.

В полной решимости я спустилась на этаж ниже. Здесь по плану здания и располагался банный блок. «Ладно — прошептала я себе под нос, расправляя плечи. — Пусть думают, что я смирилась». Я вскинула руку, пальцы привычно сложились в жест, губы тихо прошептали формулу — и с кончиков пальцев сорвалась «сверкающая капля». Заклинание разлетелось по комнате мерцающими искрами, вплетаясь в пыль, ввевшуюся в камень, в паутину, свисавшую с балок, в пятна сырости на стенах. Оно работало быстро, ловко, будто само знало, где прячутся грязь и запустение.

Десять минут — и этаж сиял так, как, наверное, не сиял с самого дня постройки замка. Камень стал светлее, воздух — чище.

Пришло время готовить ванную. Я шагнула внутрь и на мгновение замерла, оглядываясь по сторонам. Комната поражала размерами — просторная, величественная, будто созданная не для обычного купания, а для ритуала. Стены были отделаны белым мрамором, холодным и безупречно гладким; он мягко отражал свет, подчёркивая богатство хозяина.

Посреди комнаты возвышалась большая квадратная ванна — её и ванной-то назвать было сложно: скорее уж миниатюрный бассейн, в котором можно было бы плавать, если бы вдруг захотелось. По всему её периметру висели шторы из лёгкой, полупрозрачной белой ткани — они колыхались от малейшего движения воздуха. Окна конечно же в комнате отсутствовали, от этого в ней было очень темно. Я подошла к туалетному столику, нащупала в ящичке свечи и зажгла их одну за другой. Тёплый, дрожащий свет понемногу разгонял сумрак, ложился золотистыми пятнами на мрамор и создавал в комнате особую атмосферу.

Потом я взялась за бочки с холодной водой — они стояли вдоль стены, тяжёлые и основательные. Судя по всему, они автоматически пополнялись, так как над ними виднелись краны, но сейчас это не имело значения: мне нужно было наполнить ванну, и я принялась переливать воду из них в ванную, используя свою силу.

Когда вода наконец поднялась до нужного уровня, я сделала шаг назад, окинула взглядом результат и тихо выдохнула. Теперь оставалось самое главное. Я подняла руку, сосредоточилась, позволяя магии собраться на кончиках пальцев, и прошептала формулу заклинания «молекулярного изменения структуры воды». Сила потекла сквозь меня, тонкая и острая, словно лезвие, и ударила в гладь воды. Почти мгновенно поверхность забурлила. Вода начала нагреваться с пугающей скоростью, а потом и вовсе закипела. Густой пар взметнулся вверх, клубами расползаясь по комнате. Воздух сделался тяжёлым и влажным, дышать стало труднее, но я не отводила взгляда, пока вода не достигла нужной температуры.

Убедившись, что всё готово, я быстро вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь, чтобы пар не расползлся по коридору. Опершись спиной о стену, я несколько раз глубоко вдохнула, стараясь унять бешено стучащее сердце. Руки слегка дрожали — не от усталости, а от напряжения: такое заклинание требовало концентрации и сил, которых и так было немного после бессонной ночи.

«Ну вот. Пусть теперь приходит и парится. Пусть наслаждается своим утренним ритуалом» — сказала я со злобной улыбкой.

Вскоре появился Андрас. Он неспешно вошёл в коридор, окинул взглядом сияющие плиты, отполированный камень и едва уловимо приподнял бровь — будто не верил, что эта чистота — дело моих рук. Шаг за шагом он приближался ко мне.

Я почувствовала, как предательски дрожат пальцы, и тут же спрятала руки за спину, стиснув их так, что ногти впились в кожу. «Только не выдай себя, — шептала я про себя, словно мантру. — Не дай ему увидеть твои намерения».

— Неплохо справилась — наконец произнёс он, чуть склонив голову, будто взвешивал эти слова на невидимых весах. — Я думал, ты ничего не успеешь.

В ответ я лишь коротко качнула головой — ни благодарности, ни дерзости, просто молчаливое признание, что работа сделана. Потом распахнула дверь в ванную комнату. Пар всё ещё клубился внутри. Андрас одобрительно качнул головой и шагнул внутрь с тем самым невозмутимым видом, от которого становилось только тревожнее: будто для него всё происходящее — обыденный порядок вещей.

Я скользнула следом, стараясь держаться в полутени, не привлекать внимания, быть незаметной, как тень.

— Зачем ты зашла за мной? — спросил он вдруг, резко повернув голову. Голос прозвучал ровно.

«Что за дешёвая ролевая игра... И он ещё строит из себя невинную душу!» — эта мысль вспыхнула в голове острой, едкой искрой, и в ту же секунду пальцы левой руки сами сложились в едва уловимый жест.

Я создала тонкий, почти невидимый жгут из воды — такой лёгкий, что он сливался с клубами пара, будто был не магией, а просто очередной струёй горячего воздуха. Пар по-прежнему окутывал комнату плотной пеленой, скрывая каждое моё движение, превращая пространство в идеальную завесу.

Резким, уверенным движением я подхватила одну из полупрозрачных штор. Ткань дрогнула, потянулась вслед за водной нитью — и в следующий миг я обвила ею туловище Андраса, туго, но ловко, не давая ни шанса вырваться. А потом, не теряя ни секунды, направила ещё одну струю воды — резкий рывок, жёсткий импульс силы, и штора дёрнулась в сторону кипящей ванны.

Андрас не успел даже осознать, что происходит: его потянуло вперёд, тело потеряло опору, и он рухнул в воду с глухим всплеском, поднявшим новые облака пара.

Воспользовавшись ситуацией, я рванула вперёд, не разбирая дороги, будто сама скорость могла стереть всё, что только что произошло. Кровь гулко стучала в висках, перед глазами вспышками мелькали обрывки воспоминаний — тот самый позорный выпускной, липкий

страх и его гнусное предложение «подготовиться»... Слова, от которых до сих пор становилось тошно, будто я снова чувствовала этот тяжёлый, чужой взгляд на себе.

Коридоры сливались в одну тёмную полосу, ступени летели под ногами, а в груди разрастался горячий ком из злости и унижения. «Только бы выбраться» — думала я.

Я вылетела из замка в сад — свежий воздух ударил в лицо, как ледяная вода, на секунду отрезвляя. Но не успела я сделать и нескольких шагов, как чьё-то твёрдое, безжалостное прикосновение сдавило плечо.

Меня резко развернули. Передо мной стоял Дэниэль — спокойный, собранный, будто и не было никакой погони. Он чуть приподнял бровь, и в этом жесте было столько холодной уверенности, что у меня внутри всё оборвалось.

— Куда ты? — спросил он ровно.

Я судорожно глотнула воздух, пытаясь собрать мысли, но слова рассыпались, как сухие листья.

— Я сейчас... Я... Я иду на рынок, приказ Андраса, — выпалила я, задыхаясь от бега и адреналина. Голос звучал жалко, надломленно, и я сама слышала эту фальшь.

Дэниэль не шелохнулся. Только взгляд его стал чуть острее, будто он считывал каждую дрожь, каждую ложь, прятанную в моих глазах.

— Ты врёшь, — спокойно произнёс он, не сводя с меня глаз. — Ты сбегаешь.

Как вдруг из дверей, ведущих в сад вышел Андрас — промокший насквозь, с волос стекали капли, одежда липла к телу, но на коже не было ни следа ожога. Ни волдыря, ни покраснения — будто кипяток для него был не опаснее тёплой росы.

От этого зрелища у меня по спине пробежал ледяной озноб. Я почувствовала, как на затылке встают дыбом волоски, а холодный пот стекает между лопаток. Его глаза горели неприкрытой яростью, и в этот миг он казался не просто властным лордом — он был стихией, которую я вздумала обуздать и проиграла в одну секунду.

В голове билась единственная мысль: «Что теперь будет? Что он со мной сделает?» Я смотрела ему прямо в глаза, не в силах отвести взгляд, и ждала приговора. Он был законом на этих землях, и по этому закону он имел полное право обречь меня на любую кару — хоть на кандалы, хоть на изгнание, хоть на нечто куда более страшное.

— Ты что творишь, девка?! — голос Андраса ударил по нервам, как хлыст, резкий и беспощадный.

— Ты думаешь, я подчинюсь такому? Думаешь, я буду терпеть это?! Ты безумец и извращенец! Самодур! — выкрикнула я, сама, не замечая, как перешла на «ты». На глазах выступили слёзы — не от боли, а от бессилия, от того, что мир вдруг стал таким несправедливым и тесным. Я сжала кулаки до хруста в суставах и выпалила, глядя ему прямо в лицо: — Пусть я умру, но не стану выполнять приказы, которые порочат мою честь! Казни меня, если хочешь!

— Извращенец? — переспросил Дэниэль удивлённо, и в его голосе прозвучало такое неподдельное недоумение, что на секунду мне стало не по себе.

Андрас будто немного остыл от моего крика. Ярость в его взгляде сменилась чем-то похожим на недоумение.

— Приказ, который порочит твою честь... Что такого в том, чтобы ты, в соответствии со своими обязанностями придворной служанки, убиралась в здании и выполняла бытовые задачи? — произнёс он уже тише, но твёрдо.

— Ты сам сказал: «Подготовь ванную», а потом добавил: «Подготовься через двадцать минут как следует!» — выкрикнула я снова, но голос уже не звенел так яростно — в нём слышалась надломленная интонация человека, который отчаянно пытается удержать свою правду.

— Я сказал: «Подготовь всё». И даже подумать не мог, что эти слова можно так извратить. Видимо, ты слышишь то, чего сама боишься, — спокойно с ухмылкой ответил Андрас, смахивая с плеч капли воды.

Я перестала пытаться выбраться из хватки Дэла и замерла. В ушах зашумело, и сквозь этот шум вдруг отчётливо всплыла другая деталь: ветер, гулявший по залу, тянул из приоткрытой входной двери, свистел в щелях, заглушал слова... И ещё — тот его удивлённый взгляд, когда я вошла за ним в ванную. Он действительно не ждал меня там.

«А если он не врал? Если я сама все неправильно услышала и додумала то, чего не было?» — эта мысль обрушилась на меня ледяной волной.

Внутри всё сжалось от внезапного, оглушающего стыда. Мне стало невыносимо неловко. Я чуть не убила его своими руками — и всё из-за того, что позволила чувствам диктовать смысл чужим словам, лучше бы я переспросила.

Губы задрожали, и я поспешно прикусила их, пытаюсь удержать этот стыд внутри, не дать ему прорваться слезами. Но слёзы уже стояли в глазах, тяжёлые и жгучие.

Дэниэль чуть ослабил хватку, не отпуская меня, но давая понять, что не считает меня опасной. Он смотрел на меня не с осуждением, а с той самой внимательностью, от которой хотелось одновременно спрятаться и выговориться. А Андрас стоял напротив, мокрый, взъерошенный, но уже не пылающий гневом.

— Простите меня — прошептала я, опустив глаза. Слезы накатывали снова.

Когда я наконец подняла взгляд, ресницы слиплись от влаги, нос предательски покраснел, а в глазах, наверное, читалась вся эта усталость. Я стояла перед ним без свойственного мне бахвальства.

Андрас замер на мгновение. Его брови, до этого жёстко сведённые к переносице, чуть распрямились, будто он вдруг увидел то, что его сильно смущает. Он тихо выдохнул, словно сбрасывая с плеч остатки гнева, и на секунду отвёл взгляд — словно ему нужно было собраться.

— Ситуация неприятная — произнёс он наконец своим привычным холодным тоном, но в нём теперь не было прежней колючести. — Делаю тебе поблажку: ты первый день работаешь, да и устала с дороги. На этот раз — без наказания.

Я хотела было сказать «спасибо», но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула.

— А теперь у меня дела — продолжил он, снова становясь тем самым неприступным лордом, каким я его знала. — Сегодня работаешь с Дэлом. Он введёт тебя в курс, покажет, что к чему. И... постарайся больше не делать выводов раньше времени.

Он коротко кивнул, будто ставя точку в разговоре, и, развернувшись, пошёл прочь. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, и только тогда позволила себе сделать глубокий, рваный вдох. Неловкое молчание, тяжёлое и липкое, будто повисло между нами, вдруг нарушил тихий голос Дэниэля:

— Я давно не видел его в ярости. Удивительно, как тебе это удалось.

Я невольно хмыкнула — скорее от нервов, чем от веселья, — и опустилась на корточки, обняв колени. Так было проще: будто, сжавшись в маленький комочек, я могла удержать внутри всё то, что грозило снова вырваться наружу. Я уткнулась лбом в колени, пытаюсь выровнять дыхание, которое всё ещё срывалось на короткие, рваные вдохи.

— Ну ты чего, со всеми бывают оплошности — услышала я над собой спокойный голос Дэла. В нём не было ни насмешки, ни снисхождения — просто тихое понимание, от которого хотелось выдохнуть с облегчением.

Я подняла голову и увидела, что он протягивает мне руку. Ветер трепал его чёрные волосы, выбивая отдельные пряди, и в этот миг он показался мне не грозным воином в доспехах, а просто человеком — тем, кто готов подать руку, когда ты падаешь.

Я вложила свою ладонь в его — она оказалась тёплой и надёжной. Он легко, без усилия, помог мне подняться, будто я и не была тяжелее пуха.

— Спасибо — прошептала я, не поднимая глаз. — Так, в чём я должна тебе помогать? — спросила я чуть громче, стараясь вернуть себе хоть каплю собранности.

Дэниэль чуть склонил голову и без спешки, ответил:

— Можем для начала просто поговорить, если ты не против. Познакомимся. Нечасто здесь встретишь новое лицо.

И я вдруг поняла, что мне действительно хочется просто рассказать — всё, как есть. Про выпускной, про то, как я уронила Андраса в кипящую воду. Про это странное, колющее чувство, будто я здесь лишняя, будто этот замок не хочет меня принимать. Я сказала ему про это, мне показалось, что я могу ему доверять. Завершая список своих жалоб, я добавила:

— И я не понимаю, как твой друг Андрас управляет в одиночку — говорила я, глядя куда-то в сторону, на дорожку, по которой ветер гонял сухие листья. — У него ведь почти нет приближённых. Только ты. Ну, теперь ещё и я... хотя я пока не уверена, что это надолго.

Дэниэль слушал, не перебивая. Рядом с ним я почувствовала, что мои тревоги для него не пустой звук.

— Однажды, надеюсь, ты поймёшь его — сказал он, явно не желая выдавать чужих тайн.

Я перевела взгляд на него и вдруг почувствовала, что хочу узнать не только про Андраса, но и про него самого.

— А насчёт тебя? — спросила я, чуть наклонив голову.

— Что насчёт меня? — отозвался он, чуть приподняв бровь.

— Расскажи о себе. Ты кажешься хорошим человеком.

Он на мгновение замер, будто эти слова застали его врасплох. Потом чуть усмехнулся будто не привык, чтобы его называли «хорошим».

— Хм... Я убиваю «плохих» людей — спокойно, не глядя на меня, произнёс он, словно говорил о чём-то будничном, вроде чистки конюшен или заточки мечей. — Тех, кто угрожает Андрасу.

Я посмотрела на его руки — и вдруг все эти сложились в одну горькую картину. На коже темнели старые шрамы, пересекались свежие порезы, кое-где ещё виднелись едва затянувшиеся царапины — будто каждый из них был не просто ранкой, а короткой историей, которую он никогда не расскажет.

«Сколько же всего ты пережил» — мелькнуло у меня в голове.

После нашей беседы Дэл спокойно, будто это самое обычное дело, сообщил:

— Сегодня буду помогать тебе прибираться в замке.

Я на секунду замерла, переваривая эти слова. В других землях о таком и помыслить было нельзя: придворные обязанности строго распределяли, и никто не смел переступить через границы своего поста. Служанка не помогала стражу, страж не брался за тряпку — всё было разложено по полочкам, как книги в библиотеке. Но здесь, в этом странном, полупустом замке эти рамки будто стёрлись.

И от этого у меня вдруг поднялось настроение. Если здесь не цепляются за формальности, если Дэл, человек, который убивает тех, кто угрожает земле, спокойно берётся за уборку рядом со мной... значит, и я смогу делать больше, чем просто вытирать пыль. Значит, смогу браться за серьёзные задания.

Глава 3. Тайное намерение Андраса. Первая романтическая прогулка

Дэл переоделся в свободную, удобную одежду, чтобы наконец приступить к совместной уборке — никаких тяжёлых ремней и лат, только простая ткань, не стесняющая движений. Мы взялись за уборку, начав с первого этажа: тут пыль лежала такими плотными слоями, что казалось, будто замок и правда давно заброшен, а не просто забыт.

Я прошлась тряпкой по полке, и в воздух взметнулось целое облако серой взвеси. Закашлявшись, я протёрла слезящиеся глаза и сказала, стараясь говорить между вдохами:

— Замок, будто заброшенный... Вы недавно переехали?

Дэл, который как раз счищал толстый слой пыли с массивной подставки для факелов, тоже чихнул и усмехнулся:

— Лорд здесь давно. Просто не было повода приводить всё в порядок. А теперь появился.

— Какой повод? — не унималась я, чувствуя, как любопытство понемногу вытесняет усталость.

Он чуть помедлил, будто взвешивая, стоит ли рассказывать, а потом спокойно ответил:

— Через месяц впервые за десять лет приедут почётные гости. Будет приём и праздник.

Я на секунду замерла, представляя, как этот полузабытый замок вдруг оживёт: в коридорах зазвучат голоса, залы наполнятся светом и музыкой, а по каменным плитам застучат шаги важных гостей.

— Понятно, — пробормотала я и, подняв взгляд на высоченный потолок, вздохнула. — Можешь, пожалуйста, придержать лестницу? Хочу протереть там пыль.

Дэл тут же подошёл и крепко обхватил основание лестницы, уперев её в пол так, что она даже не дрогнула.

— Держу. Только не торопись. Тут потолки такие, что и голову закружить могут.

Я начала подниматься, ступенька за ступенькой. И правда — метров пять, не меньше. С такой высоты зал казался огромным, а я сама — крошечной девочкой, какой была, когда-то в детстве, когда забиралась на табуретку, чтобы дотянуться до верхней полки, и чувствовала себя настоящей покорительницей высот. Воспоминания нахлынули тёплой волной: мамини руки, запах вкусной еды. Вспоминался и тихий смех подруги Анны... и те самые дежурства за плохое поведение, когда мы с ней, хихикая и ворча, драили коридоры академии, а потом хвастались друг перед другом, кто быстрее справился.

Стараясь не отвлекаться, я упорно двигалась дальше, пока наконец не закончила. Потом начала спускаться — и на предпоследней ступеньке нога предательски скользнула по гладкой перекладине. Мир на мгновение поплыл, пол стремительно рванулся навстречу, а в груди всё оборвалось.

Но упасть я не успела. Лестница с грохотом рухнула, а меня в ту же секунду подхватили крепкие руки. Дэл поймал меня, не дав даже коснуться пола, и осторожно, но уверенно опустил на твёрдую, надёжную землю.

— Будь осторожнее — сказал он с интонацией, которая не оставляет места для легкомыслия.

Я стояла, и смотрела на него.

— Спасибо — выдохнула я, чувствуя, как сердце постепенно возвращается к обычному ритму.

До самого вечера мы успели обойти все этажи. Работы и правда оказалось больше, чем можно было подумать, но с магией всё шло куда быстрее, жаль, что из-за малого количества сна мне приходилось практически все делать руками.

Когда солнце уже клонилось к закату, мы наконец закончили. Я устало опустила тряпку, села прямо на пол и рассмеялась — тихо, но искренне.

— Никогда не думала, что буду так радоваться тому, что в комнате наконец видно собственное отражение.

Дэл улыбнулся уголком губ, поднял с пола тряпку и аккуратно свернул её.

— А сейчас — на кухню. Ты наверняка голодна.

Я и правда не помнила, когда в последний раз ела: стресс и бешеная гонка последних дней словно выжгли из меня саму потребность в еде. Но сейчас, когда напряжение наконец спало, голод дал о себе знать — острым, настойчивым чувством.

— С радостью — призналась я, не пытаясь притворяться, что всё в порядке.

Он провёл меня на кухню, предназначенную по всей видимости для obsługi — небольшую, но уютную, с потемневшими от времени балками и тёплым светом очага. Пока я садилась за простой деревянный стол, Дэл принялся что-то быстро и ловко готовить. Движения у него были уверенные, будто он не только мечом владел, но и с кастрюлями был на «ты».

Я смотрела, как он режет овощи, как помешивает что-то и думала: «Интересно, отчего он так добр ко мне? Может, это просто его натура — никого не оставлять в беде. Или он видит во мне что-то, чего я сама пока не замечаю».

Его широкие плечи закрывали почти весь вид, и я даже не сразу поняла, что именно он готовит. Но когда он наконец поставил перед нами тарелки с идеально запечённой курицей с картошкой, золотистой, пахнущей травами и домашним теплом, — я чуть не рассмеялась от счастья. Мы ели, и усталость понемногу стекала с плеч, будто её смывало этим теплом. И вдруг, сама, не зная почему, я выпалила:

— Знаешь, я скучаю по кое-кому, хоть и прошло всего два дня.

Дэл чуть приподнял бровь, не поднимая на меня глаз, будто боялся спугнуть откровенность:

— Твой жених?

— Эй, не было у меня никаких женихов и не будет — чуть резковато ответила я, сама, удивившись, как быстро вспыхнула. Потом вздохнула и уже тише добавила: — Я скучаю по подруге из академии. По Анне. Не знаю, как она устроилась после выпускного, всё ли с ней хорошо...

Он помолчал секунду, будто его что-то смущало в этой информации и сказал:

— Зачем напрягаться и быть в неведении? Давай я узнаю.

— А ты можешь? — я даже подалась вперёд.

— Завтра направлю почтовую птицу — сказал он просто, как будто это самое обычное дело — вернуть человеку кусочек спокойствия.

Я не смогла сдержать немного глупую улыбку. Она сама расплзлась по лицу.

— Было бы неплохо и мне свою почтовую птицу иметь — пробормотала я, всё ещё улыбаясь.

— Хм, вроде такие на рынке продают по 180 золотых, — спокойно ответил Дэл.

— Сколько?! — я даже вилку выронила, тут же подхватила, но всё равно чувствовала себя оглушённой. — Да простым рабочим её никогда не купить!

— Земли у нас небольшие — он пожал плечами, будто извиняясь за саму цену, хотя и не был в ней виноват. — Такие птички незнатным людям и не нужны. Обычно все родственники и близкие живут рядом.

Я замерла, глядя на свою тарелку, и вдруг поняла, как мало знаю об этом месте. О законах, о деньгах, о том, как тут вообще живут. И ещё — о себе в этой системе.

«Я даже не знаю, сколько мне будет платить Андрас и когда. Не знаю своего графика работы. Не знаю, на что могу рассчитывать...» — эта мысль кольнула неприятно, заставляя меня глубоко задуматься.

— Мне нужно кое-что спросить у Андраса — сказала я, и голос прозвучал чуть твёрже, чем я ожидала.

— Боюсь, что сейчас нельзя — спокойно возразил Дэл.

— Но это очень серьёзный разговор — я посмотрела на него умоляюще, стараясь не выглядеть просительницей, но и не скрывать, что для меня это важно.

Он чуть нахмурился, будто взвешивал, насколько уместна моя просьба, потом вздохнул:

— Хорошо. Давай тогда узнаем, может ли он принять тебя.

Мы вместе поднялись по каменным ступеням к крылу, где находились покои Андраса. Дэл, не тратя времени на формальности, без стука вошёл внутрь. Спустя продолжительное время он появился в проёме, коротко кивнул и тихо произнёс:

— Можешь заходить.

Он остался ждать за дверью, словно невидимый страж, а я, глубоко вдохнув, переступила порог покоев лорда.

Комната поражала простором и продуманной раздельностью на зоны: здесь был и строгий кабинет с тяжёлым столом и полками, уставленными фолиантами, и укромная спальня, скрытая за полупрозрачной шторой, и стол, где можно было перекусить. Андрас сидел за столом, погружённый в чтение свитков — бумага шелестела под его пальцами. Едва почувствовав моё присутствие, он не стал поднимать глаз, лишь сдержанно спросил:

— Что за важное дело?

Я невольно опустила взгляд, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости.

— Господин, простите меня за моё утреннее поведение...

Он едва заметно поморщился, будто отмахнулся от чего-то несущественного.

— Я уже не помню про это. Ближе к делу — настаивал он, голос звучал твёрдо, без снисхождения.

Я слотнула, собираясь с духом, и выпалила то, что не давало покоя весь вечер:

— Позвольте узнать, какая у меня заработная плата, будет ли заключаться какой-либо договор... Да и что я вообще тут буду делать?

Андрас резко вскинул голову, и в его взгляде мелькнуло раздражение, смешанное с чем-то похожим на усталую иронию.

— И это важный разговор? — процедил он чуть сердито. — Как ты думаешь, почему я впервые за столько лет взял к себе в услужение хоть кого-то?

Я на секунду замешкалась, пытаюсь подобрать слова, которые прозвучали бы достойно, не как оправдание, а как понимание.

— Думаю, вы были осведомлены, что в этом году выпускается кто-то с выдающимися способностями, и пожелали, чтобы я оказалась именно в вашем подчинении, — проговорила я, набивая себе цену.

Андрас вдруг рассмеялся — не громко, не издевательски, а так, будто его позабавила сама наивность моего предположения. Он отложил свиток, провёл ладонью по лицу, словно сбрасывая усталость, и, чуть склонив голову, посмотрел на меня уже иначе — внимательно, почти пристально.

— Видишь ли, я изучил твоё досье. Знаю, что ты одна, родни у тебя нет. Дэл выведал и другую информацию в вашем разговоре, что и романтических отношений у тебя ни с кем не было, только подруга. При этом ты умна, красива, и, если тебя правильно одеть, выглядишь как особа из богатого, уважаемого рода.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от страха, а от того, как холодно и расчётливо он это произнёс, будто раскладывал по полочкам не человека, а шахматную фигуру.

— Вы можете сказать уже, в чём дело? — раздражённо поторопила я, не в силах больше выносить эту игру в загадки.

Он чуть подался вперёд, опершись локтями о стол, и произнёс ровно, без пафоса, но так, что каждое слово отдавалось в тишине комнаты, как удар молота по наковальне:

— Теперь ты не Марсела Вернандер — выпускница академии, которой по жизни уготована участь быть служанкой. Теперь ты моя невеста. Пусть и фиктивно. Можешь считать это серьёзной шпионской ролью.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и неожиданные. Я застыла, чувствуя, как кровь отливает от лица, а в груди всё сжимается от удивления.

— Зачем вам это нужно? — спросила я, уже не раздражённо, а с интересом.

— В моих землях беспокойно, ходят разговоры о том, что правитель слаб, не может продолжать род, что я умру, а земли перейдут новой семье, все это пугает мой народ. Дэл подкинул мне идею о том, что именно в академии может найтись такая девушка, все-таки вас всех там учат именно взаимодействию с такими людьми как я. Как и оказалось я узнал все о тебе и понял, что лишнего шума ты не создашь, никто о тебе ничего не знает. Если вдруг решишь предать меня, тебя ждет смерть, а этого никто и не заметит. Поэтому мне нужна ты, я не думаю, что стоит рассказывать о том какие это предпочтения даст тебе: любая девушка мечтала бы о таком.

Я едва удержалась, чтобы не выдать внутреннюю улыбку. В голове вспыхнула чёткая, обжигающая мысль: «Это невероятно приблизит меня к осуществлению плана мести. Я буду не просто низкоранговой служанкой, а госпожой. Смогу являться с Андрасом в главные земли на приёмы Архонта, которые происходят ежегодно, и уничтожу его».

— Я согласна — проговорила я, поднимая взгляд. В голосе звучала твёрдость, а в глазах, наверное, светилась уверенность — А я стану вашей женой или только невестой?

Андрас замер, будто, не веря своим ушам. На его лице проступило искреннее удивление — редкое, почти уязвимое выражение, которое делало его вдруг чуть человечнее.

— Я думал, ты будешь нападать на меня — признался он, чуть склонив голову, будто заново оценивал меня, как противника, который вдруг сменил тактику. — А ты хитрее, чем я думал. Тебя стоит бояться. — Пока что просто невестой, — продолжил он уже спокойнее, возвращаясь к привычной холодной собранности. — Возможно, это утихомирит народ в ближайшее время. Но не бойся: на улицу я тебя не выброшу. Будешь до конца дней обеспечена у меня работой.

— Спасибо, что прямо рассказали Ваши планы — сказала я и неожиданно для самой себя рассмеялась — тихо, но искренне, будто сбрасывая с плеч тяжесть бесконечных догадок. — А то из-за всей этой странности у меня уже начал мутнеть рассудок.

Андрас едва заметно усмехнулся — так редко, что этот миг казался почти подарком.

— Что будет входить в мои обязанности? — спросила я, возвращаясь к делу.

Он снова оперся локтями о стол, будто готовясь к долгому разговору, и заговорил ровно, чётко, словно зачитывал пункты договора, высеченного на камне:

— По-прежнему ты должна выполнять все мои приказы, какими бы они ни были. Это не обсуждается. Ещё тебе необходимо никому не рассказывать об этом. Знают только трое: Дэл, я и ты. Тебе запрещено выходить одной из замка — ни под каким предлогом. Нельзя, чтобы кто-то видел тебя в неподобающем виде. Вести себя необходимо подобно прилежной помолвленной даме: сдержанно, достойно, без лишних эмоций. И ещё: запрещено заводить с кем-то романтические отношения. Это временные меры, но отнесись к ним серьёзно.

Я слушала, кивая после каждого пункта, будто закрепляя их в памяти. Ни возмущения, ни протеста — только холодный расчёт. Он, наверное, думает, что все это заставит меня переживать, но он просто не знает, что жить в чужой роли, я умею как никто другой. Хорошо, что он не подозревает о моей истинной личности, если узнает, то расправится быстро, никто и не узнает.

— У меня тоже есть требования — сказала я, чуть наклонив голову, но не опуская взгляда. В голосе слышалась дерзость — Думаю, учитывая серьёзность дела, я имею право их выдвинуть.

Андрас чуть приподнял бровь — не раздражённо, а скорее с интересом, будто впервые увидел во мне партнёра по бизнесу.

— И какие же?

— Во-первых, вы не лезете ко мне с чем-то неприличным. Во-вторых, даёте мне больше спать. И ещё — установите отопление в мою комнату. Не может же ваша «любимица» заболеть или плохо выглядеть от недосыпа. А то что же подумают люди? — добавила я с лёгкой ухмылкой, нарочно играя на его тщеславии, на этой самой заботе о том, как всё должно выглядеть со стороны.

Он помолчал, будто взвешивая мои слова не как капризы, а как вполне разумные условия контракта. Потом медленно кивнул:

— Твои требования оправданы. Пусть будет по-твоему. Но не надо злоупотреблять своим положением. И в целом не стоит мешаться у меня под ногами.

Я едва сдержала улыбку — не торжествующую, а ту, что появляется, когда ты наконец-тоставишь границы и видишь, что их принимают.

— Я вас поняла. Тогда позвольте удалиться: уже поздний час.

— Позволяю — коротко ответил он и снова склонился над свитками, будто мы только что обсудили не мою судьбу, а расписание дежурств.

Я вышла из его покоев, и с каждым шагом по коридору напряжение, копившееся весь день, понемногу отпускало. В груди разливалось странное, почти забытое чувство — контроль. Не власть над кем-то, а право распоряжаться собой, ставить условия, выбирать, на что соглашаться, а на что — нет.

В моём взгляде, наверное, и правда читалась радость. Пусть Андрас думает, что я — простая девушка, которая ликует от того, что её подняли на ступеньку выше. Пусть верит, что это высокое положение, эти платья и приёмы — предел моих мечтаний.

Дэла нигде не было видно — наверное, ушёл по своим делам. Я не стала его искать. Сейчас мне хотелось тишины, своего угла, где можно было бы разложить по полочкам всё, что случилось за этот бесконечный день.

Добравшись до своей комнаты, я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и на мгновение просто выдохнула.

Я села на кровать, подтянув колени к груди, и позволила себе наконец-то расслабиться. За окном тихо шелестел ветер. Я легла, укрылась одеялом и закрыла глаза. Сон не шёл сразу — в голове всё ещё крутились фразы, взгляды, обещания. Но постепенно мысли стали тише, укладываясь в ровные ряды, как книги на полке.

«Завтра начнётся новая глава — прошептала я почти беззвучно, будто закрепляя это в себе, как клятву. — И я буду готова».

Утро едва успело расправить крылья над замком, когда в комнату Марселы бесшумно скользнул Дэниэль. В руках он бережно держал дорогую обогревательную систему — её изящный корпус мягко мерцал, питаемый зачарованной батареей. Движения Дэла были точными и почти невесомыми: он быстро, но без суеты установил устройство, будто каждое его действие было отретепетировано до совершенства.

Несомненно, это был приказ Андраса. Ещё вчера Марсела осмелилась попросить о тепле, и вот уже сегодня её желание исполнилось.

Но даже у самой безупречной ловкости случаются осечки. Случайно задев край стола, Дэниэль невольно вызвал короткий, предательский скрип. Звук резанул тишину, и Дэл замер, в глазах мелькнул испуг — он боялся, что разбудил Марселу и испугает ее. Он бросил быстрый

взгляд в сторону кровати... и в тот же миг она, почуввав долгожданное тепло, чуть приспустила одеяло.

Солнечный луч, уже успевший подняться над горизонтом, нежно лёг на комнату, вычертив золотые контуры на каждой детали. И в этом тёплом свете Дэниэль на долю мгновения увидел, как ляжка её ночнушки чуть сползла, обнажив хрупкое, угловатое плечо — тонкую линию, в которой читалась юность и нежность.

Он тут же отвёл взгляд, будто испугался, что позволил себе слишком многое, и, не оглядываясь, тихо вышел из комнаты.

Сокол вновь прилетел, чтобы разбудить меня, но застал уже за переодеванием.

— Доброе утро, госпожа! Сегодня вам нужно надеть любой из предложенных нарядов — они ждут за дверью. После этого выходите в сад.

Он повторил фразу ещё пару раз, взмахнув крыльями, улетел.

Я чуть приоткрыла дверь — и увидела, что на полу стояли два массивных сундука, сверкающие россыпью драгоценных камней. Я втащила данную роскошь в комнату и опустилась рядом, разглядывая причудливую резьбу и переливы камней.

В первой коробке лежали платья, сотканые из дорогих материалов. Каждое казалось произведением искусства: тонкие узоры, невесомые складки, благородные оттенки. Во второй коробке притаились косметические средства — флаконы из тончайшего стекла, баночки с перламутровой пудрой, кисточки, будто сплетённые из лунных нитей.

Я рассматривала всё это с холодным спокойствием. Да, красиво. Да, дорого. Но для меня это было не подарком, а частью прикрытия — маской, которую я должна надеть, чтобы сыграть свою роль безупречно.

Сборы заняли куда больше времени, чем обычно. Корсет никак не желал поддаваться: его шнурки сплетались в упрямые узлы, а без чьей-либо помощи справиться с ними было почти невозможно. Потом настал черёд макияжа — каждое движение кисти требовало точности.

Наконец я остановилась перед зеркалом. Отражение показало девушку, достойную самых пышных приёмов: изысканный наряд, безупречный макияж, лёгкая осанка, в которой читалась не робость, а скрытая сила. Но чем дольше я смотрела, тем отчётливее понимала — этот образ не имеет ничего общего с моим внутренним миром. «Странно это всё, конечно, — пронеслось в мыслях. — Но я потерплю. Ради высшего блага».

Спустившись в сад, я увидела Андраса и Дэла. Солнце играло на листьях, отбрасывая на землю пёстрые тени, а воздух был напоён ароматом цветов и предчувствием чего-то важного.

— Дэл, накинь на неё накидку для маскировки — коротко приказал Андрас, не сводя с меня пристального взгляда, в котором смешивались расчёт и нечто, что я пока не могла разгадать.

Дэл тут же шагнул ко мне, но остановился в полушаге, будто не решаясь нарушить невидимую границу.

— Я могу до тебя дотронуться? — тихо спросил он.

— Да, конечно — улыбнулась я, стараясь, чтобы улыбка получилась не натянутой, а настоящей — такой, которая могла бы убедить даже самого недоверчивого наблюдателя.

Вдруг Дэл распахнул накидку и шагнул ко мне — так близко, что мир на мгновение сжался до этого крохотного пространства между нами. Сердце пропустило один оглушительно громкий удар, а потом зашлось в бешеном ритме, будто хотело вырваться наружу. Рядом с ним я вдруг почувствовала себя маленьким, беззащитным зверьком — таким, что замирает от любого шороха, не зная, бежать или довериться.

Он склонился, стараясь завязать на накидке изящный бант — так, чтобы не испортить мой тщательно созданный образ. Его пальцы ловко перебирали ткань, но узел всё не получался, и он, склонив голову чуть ниже, приблизился ещё, почти касаясь зоны декольте, чтобы лучше

видеть, что делает. Я чувствовала его горячее дыхание где-то у самой груди — короткие, едва уловимые порывы, от которых по коже бежали мурашки.

И тут раздался голос Андраса — резкий, разрушающий нашу секундную идиллию:

— Отойди, долго возишься, я сам завяжу — произнёс он, и в его тоне мне послышалась ревнивая нетерпеливость.

— Я и сама могу завязать этот бантик — проговорила я без особого энтузиазма, скорее по инерции, чтобы хоть как-то вернуть себе ощущение контроля. «Не нужна мне его помощь — мелькнуло в голове. — Отчего-то он меня все равно раздражает».

Но Андрас уже подошёл, протянул правую руку и, не спрашивая разрешения, натянул капюшон мне на голову — плотно, так, что пряди волос прилипли к щекам, а мир сузился до узкой полоски видимости.

— Сегодня мы направимся на неофициальную прогулку лорда и его ещё никому неизвестной невесты — объявил он буднично, словно речь шла о чём-то заурядном, вроде утреннего чаепития.

Я чуть нахмурилась, пытаюсь уловить суть:

— Вы хотите, чтобы Вас якобы случайно узнали и увидели с девушкой, а потом сами распустили слухи о том, что у вас кто-то есть?

Андрас едва заметно усмехнулся — не тепло, а скорее с тем странным восхищением, которое бывает, когда противник оказывается умнее, чем ожидалось.

— Неплохо, Марсела. Продолжаешь пугать меня своей смыслённостью. Нам это нужно для правдоподобности. Чтобы новости не возникли из ниоткуда. Дэл будет защищать нас в пути.

Мы направились к воротам, ведущим к главной дороге. Рядом уже стояли две кареты — строгие, чёрные, с гербами, отливающими на солнце тусклым золотом. Дэл помог мне подняться первой, его ладонь была твёрдой и тёплой, и на миг мне стало спокойнее.

— А теперь давай садись рядом — сказала я ему по-дружески.

Но тут вновь вмешался Андрас — в его голосе прозвучало раздражение, тяжёлое и неумолимое:

— Со мной поедешь. Дэл едет в другой карете.

Я едва успела скрыть разочарование, опустив ресницы. Мне так хотелось спросить у Дэла, отправил ли он письмо Анне, узнать, не пришёл ли уже ответ... Мысли о подруге не оставляли меня ни на минуту, и с каждым шагом это глухое, тягучее предчувствие становилось только тяжелее. Пока Анна не скажет, что с ней всё хорошо, я не смогу спокойно дышать.

Андрас поднялся в карету и сразу отвернулся к окну — словно хотел отгородиться от меня. Через мгновение мы тронулись. Дорога была узкой, почти скрытой за высокими деревьями, будто специально созданной для тайных поездок.

В карете повисла тяжелая тишина. Я начала слегка зевать — то ли от усталости, то ли от этой давящей тишины. Чтобы хоть как-то отвлечься, я потянулась к магии: из крошечной капли воды, осевшей на стекле, начала лепить фигурки. Сначала получился гордый лев — с вздыбленной гривой и напряжёнными лапами, будто готовый к прыжку. Потом я попыталась придать воде форму облака — лёгкого, плывущего, свободного... но вышло неуклюже: капли рассыпались, не желая держаться вместе, и я тихо вздохнула, пряча улыбку.

Вдруг молчание прервал голос Андраса. Я тут же перестала лепить из воды неуклюжие фигурки.

— Поговорим о плане наших действий. Нам нужно, чтобы всё выглядело правдоподобно, словно мы...

— Влюблены? — перебила я, не дожидаясь, пока он подберёт более уклончивые слова. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на неловкость — будто ему было не по себе от собственной же игры, которую он так тщательно спланировал.

— Да. Думаю, нам стоит пройтись по рынку, где я буду выбирать тебе подарки — про-изнёс он уже твёрже, возвращая себе привычную уверенность.

— Хороший план — согласилась я, глядя в окно, за которым тянулись бесконечные пше-ничные поля. Там, среди золотых колосьев, трудились люди: их фигуры казались маленькими, почти игрушечными, но в их движениях чувствовалась настоящая, живая жизнь — такая, какой у меня давно не было.

И вдруг что-то внутри меня щёлкнуло. Я придумала отличную идею, вспомнив как Анна однажды гуляла со своим очередным парнем из академии.

— Кучер, остановите карету! Срочно! — крикнула я так громко, чтобы голос точно доле-тел сквозь стук колёс и скрип дерева.

— Что ты делаешь?! — вскрикнул Андрас.

Кучер резко натянул поводья. Карета дёрнулась и замерла. Не дожидаясь ни разрешения, ни помощи, я выскользнула наружу, приподняла юбку обеими руками и побежала прочь, сбрасывая на ходу обувь. Земля под босыми ступнями была тёплой, чуть колючей от сухих травин-нок, а воздух — густым и пахнущим хлебом и солнцем.

Андрас не стал кричать вслед. Он просто выбежал из кареты и бросился за мной.

Я мчалась между рядами колосьев, чувствуя, как солнце обжигает плечи, а ветер путается в волосах. Время от времени я оборачивалась и смотрела на него — и каждый раз на губах расцветала задорная, дразнящая улыбка. Он ускорился.

Когда я почувствовала, что он уже почти настиг меня, я резко развернулась. Андрас не успел затормозить — он инстинктивно выбросил вперёд руки, чтобы не сбить меня с ног, обхватил и, не удержав равновесия, повалился вместе со мной на землю.

Мы упали в густую, высокую пшеницу, и золотые колосья сомкнулись над нами, словно занавес. Я лежала на спине, а он нависал надо мной, упираясь локтями по обе стороны от моей головы. Его дыхание было тяжёлым, быстрым.

— Ты удрать удумала? Всем рассказать? — почти выкрикнул он, и в этом крике прорва-лось всё то напряжение, что копилось в нём с самого начала нашей странной сделки. — Наивно думала, что получится. Я знал, что с тобой ничего не выйдет. Это Дэл меня убедил, что ты под-ходишь, что честная и договорённости выполнять станешь. Вставай. Сейчас же иди в карету.

Он попытался подняться, оттолкнуться от земли, вырваться из этого нелепого, слишком близкого пространства. Но я вдруг остановила его — обхватила рукой его талию, крепко, но не грубо, так, чтобы он понял: я не собираюсь драться, я просто прошу минуту.

— Тише, женишок, — проговорила я уже без улыбки, серьёзно, глядя ему прямо в глаза. — Ты можешь хоть немного мне довериться?

Он замер. Его плечи опустились, гнев будто рассыпался, как сухая солома от одного при-косновения. Он смотрел на меня с удивлением — таким, будто видел впервые. Я чувствовала, как вздымается и опускается его грудь, как бьётся где-то рядом его сердце.

Вдруг он чуть наклонился, приблизив губы к моему уху, и прошептал так тихо, что эти слова принадлежали только мне:

— Не играй со мной, Марсела.

— Хватит. Пора вставать, — сказала я первой, резко обрывая этот момент, потому что если бы мы задержались ещё хоть на мгновение, я бы сама поверила в то, что всё это — не игра.

Мы поднялись, отряхивая с одежды пшеничные зёрна и пыль, и только тогда заметили, что все рабочие на поле замерли, уставившись на нас. Кто-то прикрывал ладонью глаза от солнца, кто-то перешёптывался, а одна женщина даже перестала держать серп и смотрела так, будто перед ней развернулось настоящее чудо.

— Дай мне денег — обернувшись к Андрасу, сказала я спокойно, без намёка на прежнюю дерзость.

Он не стал спрашивать зачем. Просто молча отсчитал тысячу золотых — сумму, которую многие крестьяне не видели и за всю жизнь.

А потом я направилась к ближайшей женщине, которая возделывала поле примерно в пятистах метрах от того места, где мы только что разыгрывали сцену влюблённых. Её платье было выцветшим, руки — грубыми от работы, а взгляд — усталым, но живым.

— Милая дама, прошу простить, что примяли ваш урожай. Надеюсь, это возместит все убытки — с благородной улыбкой произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и искренне, и стала удаляться от ошарашенной женщины, которая всё ещё сжимала в ладони золотые монеты, будто боялась, что они растворятся в воздухе.

Мы с Андрасом молча дошли до кареты. Дэл стоял рядом, и в его глазах читалось изумление.

— Вы что там... целовались? Вроде наш план не был таким, Андрас — не удержался Дэл, переводя взгляд с одного на другого.

— Фу, нет, конечно, — махнула я рукой, будто отгоняя нелепую мысль. — Просто я добавила нашей истории правдоподобности перед работниками фермы. К тому же Андрас щедро наградил их — это позволит им увидеть не только невероятную любовь, но и то, как их господин думает о благополучии народа. Да и к тому же вы сами говорили, что народ сомневается в ваших способностях... ну... как мужчины.

Я нарочно говорила чуть высокопарно, растягивая слова, будто читала страницу из пышного романа — и это сработало: Андрас вспыхнул, как сухая трава от искры.

— Я сказал, что они думают, будто у меня никогда не будет детей, а не это! — возмущённо выпалил он.

Дэл вдруг расхохотался — тихо, но так искренне, что даже напряжённые плечи Андраса чуть опустились.

— Я аж поверил в ваш спектакль. Марсела, ты гений. Я в тебе не сомневался. Да и, чего уж там, встряхнула нашего угрюмого лорда — подмигнул он мне, а потом, спохватившись, тут же принял серьёзный вид. — Но да, достаточно. Пора ехать.

— Достаточно. Отправляемся дальше в город — коротко бросил Андрас, первым поднимаясь в карету.

Мы снова устроились на мягких сиденьях, и дорога потянулась вперёд, мерно покачивая экипаж. Андрас не сводил с меня глаз — он явно ждал, когда я перестану смотреть в окно, когда повернусь к нему, чтобы он мог наконец-то расставить всё по местам.

— Что? — развернувшись к нему, спросила я чуть резче, чем хотела.

— Я хотел спросить у тебя... что значит «фу»? — произнёс он, пожирая меня взглядом.

— Вы про что? — сделала вид, что не понимаю, хотя прекрасно знала, о чём речь.

— Почему, по-твоему мнению, целоваться со мной — это «фу»? Хотя мне и неинтересно, конечно. Многие девушки падали в обморок лишь от того, что я мельком смотрел на них, — в его голосе сквозило нарочитое бахвальство, едкая самоуверенность.

Я не стала слушать эту похвальбу. Снова отвернулась к окну, где поля сменялись рощами, а рощи — редкими домиками на обочине. В голове крутилось только одно: письмо, которое Дэл должен был отправить Анне. Каждый стук колёс будто отбивал ритм: «Есть ли ответ? Есть ли ответ?»

Андрас, видимо, почувствовал, что его слова разбиваются о мою тишину, как волны о скалу. Он сложил руки на груди, закрываясь, словно ставя невидимую стену между нами, и остаток пути до города мы провели в молчании — каждый в своём мире, каждый со своими мыслями.

Доехав до рынка, мы накинули накидки, чтобы лица не выдали нас раньше времени: узнай толпа своего лорда — и давки, хаоса и обожающих взглядов не миновать. Андрас первым

спустился из кареты и подал мне руку. Жест был изящным, отточенным, и, не зная я, что каждый его вздох сегодня — фарс на публику, он мог бы тронуть меня. Но я знала. И потому лишь спокойно оперлась на его ладонь, чувствуя под тонкой кожей его твёрдые пальцы.

Меж торговыми рядами кипела жизнь. В одних лавках переливались горы специй: шафран, кардамон, корица, и от них тянуло такими ароматами, что они слегка делали голову тяжелой. В других лавках виднелись детские игрушки, вырезанные из дерева, неуклюжие и трогательные, словно каждый мастер вкладывал в них не столько мастерство, сколько нежность. Где-то высились рулоны ткани — от грубого полотна до тончайшего шёлка.

Я остановилась у лавки с украшениями. Броши, кольца, кулоны — всё это лежало на бархатных подушечках, поблёскивая в лучах солнца, что пробивались сквозь навес. Андрас замер рядом, но по его лицу было видно, что ни одна из этих вещей не вызвала в нём ни искры интереса.

— Какая красивая брошь — сказала я, указывая на крошечную розу с шипами, отлитую из тёмного серебра. — Она напоминает мне о боли, которую причиняют влюблённые друг другу.

Слова прозвучали так, как и задумывалось: с лёгкой тоской, с намёком на некую тайну, которую понимают лишь двое.

Андрас посмотрел на меня безучастно, будто я комментировала погоду. Ничего не сказал. Я незаметно, без улыбки, ткнула его локтем в бок.

Он тут же встрепенулся, будто очнулся:

— Ух ты, любовь моя... ну да, боль двух влюблённых. Я возьму её для тебя, чтобы она напоминала о том, как опасна наша любовь, и чтобы мы не причиняли друг другу боли никогда... — голос его звучал напыщенно и чуть неестественно, но для случайных ушей, жадных до сплетен, должно было сойти. Он чуть откинул капюшон, открывая лицо, и повернулся к торговцу: — Господин торговец, сколько стоит она?

Тот побледнел, потом покраснел, потом снова побледнел — словно не мог решить, какая эмоция уместнее, когда сам лорд покупает у тебя товар.

— Д-денег не надо. Будет подарок — выдавил он заикаясь.

— Надеюсь, этого достаточно — спокойно ответил Андрас, отсчитав щедрую горсть золотых, и бросил монеты на прилавок прежде, чем торговец успел возразить.

Потом он взял брошь и принялся прикалывать её к моей накидке — грубо, нетерпеливо, будто это был меч, а не украшение. Острый кончик процарапал мне грудь, скрытую плащом, и я невольно стиснула зубы, но не подала вида. Нельзя портить идиллию из-за пустяковой царапины. Я лишь чуть улыбнулась ему, как и полагалось влюблённой невесте, и мы двинулись дальше.

Едва мы свернули в пустынный поворот, я попросила Андраса подождать и тут же юркнула назад, к Дэлу, который держался на почтительном расстоянии позади. Подбежав, я нервно теребила край плаща, укрывавшего меня от чужих глаз.

— В чём дело? — спросил Дэл, чуть наклонив голову.

Я поднялась на цыпочки, показала ему, чтобы он наклонился ближе, и зашептала прямо в ухо:

— Ты отправил письмо Анне?

— Да, ответ тоже пришел. Не стоит об этом говорить при Андрасе. Он не будет рад — я ему не говорил. Так сказать, наш с тобой секрет — сказал Дэл и подмигнул мне с той лёгкой заговорщицкой улыбкой, от которой внутри сразу стало теплее.

— Тогда в замке встретимся на кухне, отдашь мне.

— Давай тогда...

Он не договорил. Чья-то рука, крепкая и нетерпеливая, схватила меня за запястье и рванула прочь. Андрас. Его пальцы сжались так, что я почувствовала, как под ними ноет кость.

— Жди у кареты — бросил он Дэлу через плечо, не оборачиваясь, и повёл меня вперёд, быстрым, тяжёлым шагом, почти волоча за собой.

Я молча шла за ним, стараясь не споткнуться о подол. Он свернул за угол маленького заброшенного дома, где не было ни души, и резко прижал меня к стене. Бревна под моей спиной скрипнули — тусклый, жалобный звук.

— Что ты вытворяешь?! Я чётко тебе сказал, чтобы ты от меня не отходила! — его голос дрожал от сдерживаемой ярости.

— Вы мне такого не говорили — ответила я с искренним удивлением, не понимая, откуда столько злости в его словах, когда всего минуту назад все было нормально.

— Я говорил, что тебе нельзя встречаться, влюбляться, пока ты моя невеста! Это так сложно?! — в ярости выпалил Андрас, надвигаясь на меня.

— Так я ни в кого и не влюблялась — старалась говорить ровно, подбирая слова так, чтобы не подставить Дэла. — Просто вы сами говорили, чтобы я вас не мучила своим присутствием и с просьбами не лезла. Вот я и попросила помощи у Дэла.

Он на секунду замер, словно мои слова ударили его не меньше, чем его — меня. Потом выдохнул, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть, и процедил:

— Ладно, я понял. Ко мне тоже можешь теперь обращаться со своими... глупыми просьбами.

Эти слова обожгли, как пощёчина. Мне стало обидно до кома в горле. Он будто нарочно хотел показать, что я — пустышка, что мои тревоги ничего не стоят, а важны только его планы, его приказы, его персону. Но тут же я одёрнула себя, выдергивая из этого водоворота чувств. Сама ведь такая же. Его проблемы меня не интересуют. Меня интересует только выгода, которую я получу от нашей сделки.

И вдруг, не давая себе времени передумать, я резко схватила его за талию и притянула к себе ещё ближе. Он напрягся, готовый оттолкнуть, но я уже подняла на него взгляд и, хлопая ресницами, тихо проговорила:

— Какая у Вас сильная спина... Руками её просто так не обнять.

Я чувствовала, как он собирается вырваться, как мышцы под моими пальцами становятся твёрдыми, словно камень. Но не отпускала. И, не повышая голоса, добавила шёпотом:

— Там смотрит торговец украшениями на нас. Видимо, что-то хочет. Поэтому потерпите. Я же тоже терплю.

Андрас замер, потом медленно повернул голову туда, куда я едва заметно кивнула. Торговец и правда стоял, теребя край фартука, и смотрел на нас с таким искренним, почти трепетным волнением.

— Господин, вы что-то хотели? — спросил Андрас уже спокойным голосом.

— Извините... Это вам ещё кое-что от моей супруги. Она держит лавку с благовониями. Возьмите в качестве скромного дара — торопливо проговорил торговец, протягивая небольшой свёрток. В его словах не было ни капли хитрости — только желание сделать приятное.

— Спасибо, не... — начал было Андрас, но я тут же перебила его, не дав закончить.

— Невероятный подарок! Мы от всего сердца благодарим Вас — проговорила я, склонив голову в лёгком поклоне, и в глазах торговца вспыхнула такая радость, будто он подарил нам не свёрток, а целое королевство.

Андрас тоже пробормотал слова благодарности, и мы двинулись прочь, к карете, оставляя позади шум рынка и любопытные взгляды.

— Никогда не бери никаких подарков — буркнул Андрас, когда мы отошли на безопасное расстояние. — Это может быть яд.

— Я нутром чувствовала, что этот мужчина желает нам искреннего счастья — возразила я, крепче прижимая к себе свёрток.

— Как бы оно ни было, мы его всё равно выкинем — упрямо повторил он.

— А я вам и не отдам. Использую сама с большим удовольствием— не сдалась я.

— Если умрёшь — потом не плачь, — процедил он, но в этом ворчливом предостережении вдруг проскользнуло что-то ещё. Не безразличие. Не презрение. А какая-то неловкая забота, которую он прятал за грубостью.

Дойдя до кареты, Андрас коротко бросил Дэлу: «В путь», — и мы тронулись. Колёса мерно постукивали по дороге, будто отсчитывали секунды. Я чувствовала на себе взгляд Андраса — тяжёлый, изучающий, словно он пытался разгадать, что прячется за моим спокойным профилем. Но я не поворачивалась. Смотрела в окно, на проплывающие мимо поля, на тонкие нити закатных лучей, ложившиеся на траву золотым узором. Старалась цепляться за эту красоту, чтобы не утонуть в обиде, которая всё ещё тихо пульсировала внутри от его резких слов. Да, для него я — инструмент. И пусть. Мне не нужно его уважение, мне нужна сделка, а в ней чувства только мешают. Главное — держать курс на свою цель.

«Интересно, помнит ли Дэл, что мы должны встретиться на кухне?» — снова и снова прокручивала я в голове эту мысль, как заклинание, которое должно было сбыться.

Из потока тревожных раздумий меня вырвал голос кучера:

— Прибыли.

Я поблагодарила его и, не дожидаясь никого, направилась к замку. Ноги будто сами несли меня туда, где можно было выдохнуть и остаться наедине с собой — хотя бы ненадолго.

Но не успела я сделать и десятка шагов, как меня окликнул Андрас:

— Марсела, подожди немного.

Я остановилась, медленно повернулась. На лице — ни удивления, ни радости, только усталость, которую уже не спрятать.

— Я вас внимательно слушаю, господин — проговорила ровно, с той самой вежливой холодностью.

Он чуть помедлил, будто подбирал слова, непривычно для себя осторожничая.

— Ты отлично справилась. Уверен, слухи начнут разноситься по всей земле уже к утру.

Я чуть склонила голову, принимая похвалу, но не позволяя ей согреться внутри.

— Слухи — это и хорошо, и плохо одновременно. С одной стороны, ваш народ узнает, что вы в кого-то влюблены. С другой — до официального объявления о помолвке они могут решить, что вы ведёте разгульный образ жизни.

Андрас едва заметно усмехнулся — не весело, а скорее признавая мою правоту.

— Верно подмечено. Я продумаю наш план действий и расскажу тебе.

— Если понадобится помощь с составлением плана — обращайтесь, господин. А сейчас прошу разрешения удалиться.

Не дожидаясь ответа, я направилась к кухне. Там, среди кастрюль, чугунных сковородок и пряных запахов, я пыталась собрать себя по кусочкам. Решила приготовить ужин — себе и в знак благодарности Дэлу. Готовила я и правда плохо: руки будто не слушались, а мысли всё время убегали вперёд. В итоге получилось нечто отдалённо напоминающее пасту — неровные комки теста, залитые странным соусом. Но я старалась. Очень старалась.

Два часа я просидела на кухне, то и дело поглядывая на дверь. Сердце сжималось от нетерпения и страха: а вдруг Дэл не придёт? А вдруг с Анной случилось что-то непоправимое?

И вот, когда я уже почти собралась уходить, в дверях появился Дэл. Он тихо прикрыл за собой дверь, будто боялся спугнуть тишину.

— Прости, что заставил ждать. Я ждал, пока Андрас уедет, чтобы он ничего не заподозрил.

— Время позднее... Интересно, куда он поехал, — проговорила я, скорее сама себе, чем ему.

Дэл ничего на это не ответил. Мы на секунду замолчали, и в этой тишине вдруг стало слышно, как потрескивает огонь в очаге.

— Вот, держи — Дэл протянул мне сложенный листок, аккуратно перевязанный тонкой лентой. — Это ответ на письмо от Анны. Если ещё понадобится помощь — обращайся.

Я взяла письмо, вместе с этим думая, что же за такие дела у Андраса в такой поздний час.

Почти бегом я добралась до своей комнаты, сердце колотилось где-то в горле. Прыгнув на кровать, я торопливо развязала ленту и начала читать:

«Дорогая Марси! Пишет твоя Анна. Я получила сообщение от твоего товарища Дэниэля. Мне здесь очень плохо, меня постоянно наказывают за малейшие ошибки. За эти дни меня уже лишили еды. Каждый день — как испытание. Но я держусь. Пожалуйста, не пытайся меня спасти, я знаю тебя и не хочу причинить неудобства. Твоя Анна.»

Письмо выпало из моих рук, а пальцы всё ещё подрагивали. Руки затряслись от злости.

В голове тут же сложился единственно верный план: умолять Андраса пригласить Анну на работу в замок. Под каким угодно предлогом хоть кем угодно. Главное — вытащить её оттуда, где ей страшно.

Я ещё долго сидела, перебирая в уме слова, которыми буду его убеждать. Представляла, как войду к нему, как посмотрю прямо в глаза и скажу: «Вы обязаны мне помочь. Я делаю для вас всё, что вы просите. Теперь помогите мне».

Когда тьма за окном стала совсем густой, а мысли — тяжёлыми и неповоротливыми, я наконец легла. Глаза слипались, но сон не шёл. В голове снова и снова крутились строчки письма, тихий голос Анны, который будто шептал мне: «Спаси меня». И я пообещала себе, что придумаю. Обязательно придумаю.

Глава 4. Невольное помешательство

Ночь так и не подарила мне ни минуты покоя. Я без устали мерила шагами комнату, а Сокол, пролетая мимо окна, лишь скользнул по мне взглядом, и не стал тревожить, будто понимал, что сон ко мне уже не придёт.

В груди зрело твёрдое решение: лорд наверняка уже поднялся, и мне нужно срочно поговорить с ним, выпросить разрешение забрать Анну из той далёкой земли. При этом я отчётливо сознавала: ни слова нельзя сказать о том, что связаться с ней мне помог Дэл. Эту тайну следовало хранить любой ценой.

Я торопливо привела себя в порядок и надела привычный наряд со штанами. В нём я чувствовала себя увереннее. Сердце билось часто, но шаг мой был твёрд, когда я направилась к покоям Андраса. Постучав в дверь, я услышала приглушённое: «Дэл, проходи».

Войдя, я увидела лорда за столом, он внимательно изучал прошения, разложенные перед ним.

— Тебя я уж точно не ожидал увидеть в такой ранний час, — не отрывая взгляда от свитка, произнёс Андрас. — Ты ведь просила не будить тебя рано.

— Доброе утро, господин, — проговорила я, стараясь изобразить лёгкую, почти беззаботную улыбку.

— Ну, выкладывай, зачем пришла, — в своей обычной резкой манере бросил он.

— Вы сами говорили, что я вправе обращаться к вам даже с самыми незначительными просьбами. Позвольте воспользоваться этим правом сейчас. У меня нет родных, это правда. Но есть одна девушка — Анна. Она стала мне не просто подругой, а настоящей сестрой. Мы вместе учились, делили тревоги и радости, и теперь я невыносимо по ней скучаю. Прошу вас, позвольте ей быть здесь, возьмите её на службу. Это станет для меня величайшим даром, знаком вашей милости.

— Нет, — отрезал Андрас, даже не задумавшись.

— Я сделаю всё, что прикажете, — выпалила я, не колеблясь ни мгновения.

— И что же ты можешь мне дать? — он поднялся из-за стола, и в его движениях вдруг проступила хищная грация.

Он приближался ко мне, словно дикий зверь. Но я не дрогнула, стояла прямо, не отводя взгляда, будто сама была ему ровней.

Андрас небрежно приподнял мой подбородок одним пальцем, и его губы медленно потянулись к моим. Сперва я подумала, что это очередной его излюбленный приём, привычка властвовать, играть чувствами, держать женщину на грани смущения и покорности. Но расстояние между нами стремительно сокращалось, его дыхание обжигало, и вдруг, сама, не понимая, как это случилось, я вскинула руку и вlepила ему звонкую пощёчину.

— Нельзя! Ты нарушаешь уговор в части моей неприкосновенности! — выкрикнула я, голос дрожал от возмущения, но в нём звенела сталь.

— Вот видишь, — холодно усмехнулся Андрас, отступая на шаг, но взгляд его оставался тяжёлым, почти давящим. — Ты просишь меня пойти против собственных правил — нарушить договор о конфиденциальности всех подробностей наших отношений. Да ещё и руку на меня поднимаешь... Вспомни своё место, девочка.

— Она никому не расскажет, я готова отвечать за это головой! — я шагнула вперёд, будто сама решимость могла пробить эту ледяную стену.

— Всё равно нет. Мой ответ не изменится, — отрезал он, и в этой фразе не было ни гнева, ни раздражения, лишь спокойная, непоколебимая твёрдость человека, привыкшего, что его слово — закон.

Я замерла, и на мгновение весь мир сжался до этой комнаты, до его неподвижного силуэта, до тишины, звенящей громче любых криков. Мысль металась в голове, как загнанная птица: что предложить тому, у кого есть всё, что только можно пожелать? Чем зацепить, чем убедить? И вдруг решение вспыхнуло: острое, отчаянное, словно клинок, вынутый из ножен в последний миг.

— Андрас, — проговорила я уже тише, но каждое слово теперь звучало чётко, будто я высекала их на камне. — Я прекрасно понимаю, что у вас нет оснований всецело доверять мне. И я не прошу веры — я прошу лишь возможности доказать свою преданность. Ваше благополучие, ваша безопасность, для меня не пустой звук, я это осознаю. Но дайте мне шанс помочь той, кто стал мне сестрой. Пусть это будет не милость, а испытание: я выполню любое ваше поручение, пройду через любую проверку, только дайте ей шанс выбраться оттуда.

В его глазах мелькнуло что-то — не согласие, нет, скорее тень интереса, будто он увидел во мне человека, готового поставить на кон всё. Но он лишь едва качнул головой, и этого хватило, чтобы надежда рухнула, рассыпавшись на холодные осколки.

Я вышла из его покоев, не помня, как преодолела эти несколько шагов. Внутри всё горело от бессильной ярости, не от его отказа, а от собственной беспомощности. Казалось, даже воздух в коридорах замка стал тяжелее, гуще, будто сам камень впитывал моё отчаяние.

Спустившись в главный зал, я взяла тряпку и ведро: простые, грубые вещи, в которых можно было утопить хоть часть этой бушующей внутри бури. Движения были резкими, почти злыми: я терла пол так, словно могла стереть вместе с пылью и эту невыносимую беспомощность.

На душе было беспокойно. Гдето там, в чужой земле, Анна, наверное, смотрела в тёмное окно и не видела ни просвета, ни выхода. Её страх, её одиночество тянулись ко мне невидимыми нитями, и я чувствовала их так остро, будто это была моя собственная боль.

А я... я по-прежнему не видела иного пути, кроме как искать лазейку в стальной воле Андраса. Он один мог повлиять на её судьбу, мог добиться перевода, вырвать её из лап тиранов. И пусть сейчас дверь захлопнулась перед моим носом, я не собиралась сдаваться. В этом замке всегда найдётся щель, сквозь которую можно пробраться к решению. Нужно лишь отыскать её.

До самого позднего вечера я не давала себе ни минуты передышки, перетирала полки, подметала ступени, домывала пол на этаже, где покоились комнаты Андраса, сначала я использовала магию, потом просто работала руками. Движения были механическими, будто тело старалось заглушить мыслями о бессилии простой усталостью. И всё же усталость взяла своё: внезапно накрыло головокружение тяжёлое, липкое, словно комната качнулась и поплыла. Последствия бессонной ночи давали о себе знать с жестокой ясностью.

Я как раз заканчивала протирать последнюю доску у двери в покои лорда, когда изза поворота вышел Дэл. Лицо его тут же озарилось тёплой, искренней улыбкой.

— Марсела, добрый вечер! — воскликнул он, будто встреча со мной была самым светлым событием за весь день.

— Добрый, — пробормотала я, и в этом слове не осталось ни тепла, ни радости — одна лишь усталая тяжесть.

— Что с тобой? Хотя... глупый вопрос. Андрас рассказал, о чём ты у него просила, — в его голосе не было ни упрёка, ни насмешки, только тихая, участливая грусть.

— Я не знаю, что мне делать, — призналась я, невольно покачнувшись, и тут же постаралась выпрямиться, будто гордость могла удержать меня на ногах. — Так тяжело осознавать, что тому, кто тебе дорог, сейчас плохо, а ты ничем не можешь помочь.

— Ты то сама как? Нужен врач? — в его глазах вспыхнуло живое, почти отчаянное беспокойство.

Я коротко объяснила, что не сомкнула глаз всю ночь, и Дэл, неодобрительно покачав головой, словно ругал не меня, а саму эту нелепую ситуацию. Он не стал спорить или уговари-

вать, просто мягко, но твёрдо повёл меня к моей комнате, на ходу отдавая короткие, заботливые указания: лечь, закрыть глаза, ни о чём не думать хотя бы несколько часов.

Оказавшись у себя, я первым делом отправилась в купальню. Тёплая вода смывала пыль и напряжение, пусть и не до конца. Потом надела ночную сорочку из тонкого шёлка, она была дорогой, изящной, с пикантным треугольным разрезом в зоне декольте и тонкими, почти невидимыми бретельками. В ней было уютно, как в коконе, где можно хоть ненадолго спрятаться от всего мира.

Расчёсывая влажные волосы, я мельком взглянула на своё отражение в зеркале. Лицо казалось чужим: бледным, измученным, с тёмными тенями под глазами. Голова по-прежнему ныла, а головокружение то отступало, то накатывало новой волной. В попытке унять боль я оперлась на тумбочку, и вдруг пальцы нащупали небольшой свёрток.

Это были благовония, подаренные тем улыбчивым торговцем на рынке. Едва коснувшись плотной ткани, я вдруг провалилась в воспоминание из детства: отец зажигает тонкую палочку, и сладковатый дым вьётся в воздухе, обещая, что боль отступит, а сон придёт. Он делал это всякий раз, когда я болела, и тот запах был для меня почти заклинанием покоя.

Не раздумывая, я решила последовать старому ритуалу. Нашла спички, которыми обычно зажигала свечи, и, подумав, что одной палочки будет мало, зажгла сразу три. Пусть аромат будет густым, насыщенным, пусть он укротит эту упрямую боль.

Минут через пять я и правда почувствовала, как тяжесть в висках понемногу тает. Напряжение, сжимавшее затылок, ослабевало, уступая место лёгкой, тягучей расслабленности. Я наконец прилегла на кровать, прикрыла глаза и стала вдыхать сладкий, пряный запах, позволяя ему унести прочь все тревоги.

Полчаса я лежала, погружённая в это странное, созерцательное состояние, когда мысли текут медленно, почти лениво, и кажется, что весь мир замер. Но потом всё изменилось в одно мгновение.

Из самой глубины груди поднялся резкий, обжигающий жар, будто в сердце вспыхнул крошечный костёр и теперь пламя стремительно растекалось по венам, охватывая всё тело. Я резко приподнялась, пытаюсь стряхнуть это ощущение, и тут поняла: перед глазами всё поплыло, контуры предметов размылись, словно я смотрела сквозь толстое, мутное стекло.

Холодная ясность мысли пробилась сквозь дурманящую слабость: причина была в благовониях. Я схватила палочки и бросилась в уборную, чтобы затушить их под струёй воды. Но, крутанув кран, я с ужасом поняла, что воды нет. «Еще недавно я мылась, а сейчас почему вода не льется то? Как хорошо, что я владею магией воды», — мелькнула отчаянная мысль. Я вытянула ладони, пытаюсь собрать хоть каплю энергии, направить её, сотворить хоть крошечную струйку. Но в ответ пришла лишь звенящая пустота. Магия не отзывалась. Слабость накатывала волнами, лишая сил даже на попытку сосредоточиться.

Я лихорадочно перебирала в голове возможные причины: «Если бы это был яд, я бы почувствовала себя иначе. Значит, дело не в отраве...» И тут меня осенило.

В академии училась девушка, увлечённая редкими видами магии. Она обожала рассказывать о морочащих чарах — тех, что пробуждают в человеке звериные инстинкты, срывают покровы разума и обнажают первобытные порывы. Она перечисляла симптомы с пугающей точностью: сначала жар, затем головокружение, потом мир начинает расплываться перед глазами, а следом происходило самое страшное — магия слабеет, становится недостижимой, будто её отрезали от тебя невидимой стеной.

Всё сходилось. Благовония были зачарованы.

И тут в голове щёлкнуло ещё одно соображение, холодное и неумолимое. Торговец улыбался так искренне, будто хотел помочь молодой паре, попавшей в беду. В городе ходили слухи, сплетни, пересуды о мужской несостоятельности, о стыдных тайнах, которые прячут за высокими стенами. Возможно, эти благовония вовсе не предназначались мне. Скорее всего, торго-

вещь продал их для Андраса, уверенный, что творит доброе дело. А я, ничего не подозревая, сама принесла эту гадость в свою комнату и зажгла его, думая, что лечит боль.

Жар накатывал волнами, будто кто-то подливал масла. Голова кружилась всё сильнее, реальность расплзалась по швам, и я чувствовала, как тонкая нить самообладания вот-вот оборвётся. Но именно в этот миг, когда разум уже готов был сдаться, в памяти вспыхнуло спасительное воспоминание: большая мраморная ванная, где, когда-то чуть не утонула Андрас, а у правой стены стояли бочки с холодной водой.

Холод. Он мог сбить эту проклятую горячку, прогнать дурман, пусть хоть на мгновение вернуть ясность.

Не думая ни о приличиях, ни о том, как выгляжу, я выскользнула из комнаты прямо в шёлковой ночной сорочке, босыми ступнями слабо ощущая ледяной холод каменных плит. Коридор плыл перед глазами, контуры стен и арок сливались в размытые пятна, так бывает, когда выпьешь крепкого вина и пытаешься идти прямо. Я шаталась, хваталась за выступы, скользила пальцами по шершавому камню, цепляясь за реальность, как за спасательный канат.

А потом в сознании начали вспыхивать картины. Вот мы с Андрасом среди золотистой ржи, ветер треплет волосы, а его взгляд обжигает сильнее солнца. Вот он прижимает меня к стене заброшенного дома... От этих видений в животе трепетало, будто тысячи бабочек разом взмахнули крыльями.

«Почему именно это? — металась мысль, царапая сознание. — Почему я думаю об этом?» И тут же я цеплялась за спасительную догадку: «Это не мои чувства. Это морок. Благовония вытаскивают наружу то, что дремало в глубине, или вообще подменяют воспоминания чужими образами. Нельзя верить этим картинкам. Нельзя растворяться в них».

Я стискивала зубы, заставляя себя идти вперёд, шаг за шагом, не позволяя себе утонуть в этих сладких, ядовитых грёзах. Наконец впереди проступила тёмная прямоугольная тень, это была дверь в ванную. Дрожащими пальцами я рванула её на себя, и горячий пар, густой и тяжёлый, ударил в лицо, обжёг кожу, смешался с дурманящим жаром, бушующим внутри.

В этом плотном тумане почти ничего нельзя было разглядеть. Но я помнила: бочки у правой стены. Я двинулась вперёд, вытянув руки, нащупывая путь в белёсой мгле, вдыхая влажный, тяжёлый воздух, который, казалось, только усиливал головокружение.

Сквозь шум в ушах пробился какой-то звук, не то всплеск, не то тяжёлый шаг. Он прозвучал где-то позади, резкий и чужеродный среди тихого шёпота пара. И в тот же миг все мои лихорадочные воспоминания о том вечере оборвались, словно кто-то дёрнул невидимую нить. Мир замер на долю секунды, а потом...

Разум Марселы таял, словно воск в пламени, а мир вокруг становился ненадёжным. Услышав за спиной тяжёлые, уверенные шаги, она резко обернулась и замерла, будто увидев свою смерть.

Перед ней стоял Андрас. На нём был роскошный шёлковый халат на запах, его ткань была тонкой и струящаяся, ничуть не скрывала очертаний крепкого тела. По его бледной коже стекали редкие капли воды, медленно прокладывая себе путь вниз, и Марсела невольно проследила за одной из них взглядом, прежде чем её глаза снова метнулись к его лицу. Было ясно: он только что вышел из воды, и влажный пар, висевший в воздухе, будто тянулся к нему, обволакивал, подчёркивал каждую линию его силуэта.

От этого зрелища дыхание Марселы стало рваным, прерывистым, грудь вздымалась так порывисто, словно пыталась вырваться из собственной клетки. Ноги предательски задрожали, а потом и вовсе подкосились, лишая её опоры. Мир качнулся, готовясь обрушиться вместе с ней, но в тот самый миг, когда пол, казалось, уже звал её вниз, сильные руки подхватили её за талию. Андрас удержал, но при этом сохранил между ними тонкую, почти невидимую дистанцию, будто сам боялся нарушить хрупкий баланс.

— Марсела, что с тобой? — проговорил он, чуть наклоняясь, приближая лицо к её губам, чтобы уловить запах алкоголя. Но ничего подобного не было. Вместо этого его ноздри наполнил густой, пряный аромат благовоний, он пропитал её волосы, кожу, каждое её движение.

В его взгляде мелькнуло понимание. Он видел, как она борется с мороком, не сдаётся, не позволяет себе раствориться в дурмане, предпочитает потерять сознание, чем предстать перед ним в недолжном виде. Это поразило его: её упрямая гордость даже в такой миг казалась почти героической.

Но его размышления оборвались внезапно. Марсела вдруг схватила его за ворот халата, резко притянув ближе. Она прижалась лбом к его груди, слушая, как ровно и сильно бьётся его сердце. Её дыхание, горячее и неровное, обжигало кожу лорда, и по телу Андраса пробежала волна мурашек — острая, неожиданная, такая, будто он снова был неопытным мальчишкой, впервые оказавшимся так близко к чему-то запретному.

Марсела вдруг распахнула глаза и посмотрела на него, его взгляд был пустым, отстранённым, но в то же время пронзительным, словно она видела не его, а какой-то далёкий, только ей доступный образ. Андрас понимал: она не осознаёт, что делает, её поступки диктует морок. Но вопреки этому пониманию сердце его забилось быстрее, сбиваясь с привычного ритма. И, сам не зная почему, он чуть притянул её ближе, на долю мгновения, будто хотел слиться с ней, стать частью этого безумия, а потом тут же опомниться.

Она, всё с тем же отрешённым выражением, подняла тонкую руку и коснулась его груди, медленно, почти невесомо проводя пальцами по коже. Этот лёгкий, невинный жест отозвался в нём чем-то глубоко интимным.

Андрас резко выдохнул. В его глазах мелькнула тень сожаления, но он знал: другого выхода нет. Одним отточенным, почти невесомым движением он ударил её ребром ладони по шее ровно настолько, чтобы сознание покинуло её, но не причинить вреда.

Марсела мгновенно обмякла в его руках. Рука, ещё мгновение назад гладившая его грудь, безвольно опустилась, пальцы расслабились.

— Так будет лучше для тебя, — тихо произнёс Андрас, зная, что она уже не слышит. Он бережно подхватил её на руки, прижимая к себе, и в этом жесте не было привычной властности Андраса, лишь забота.

Андрас нёс её бережно, почти невесомо, будто боялся спугнуть хрупкий покой, который наконец-то пришёл на смену её лихорадочному смятению. Она оказалась удивительно лёгкой. Её длинные волосы цвета бирюзы струились вниз, почти касаясь пола, словно шёлковый водопад, застывший в полёте.

Он старался не смотреть на неё. Наряд был слишком откровенным, и в этом Андрас видел не соблазн, а беззащитность, которую хотелось прикрыть, спрятать от чужих глаз, даже от собственных. Ему казалось, что один лишь взгляд мог нарушить эту тонкую грань, испортить ту чистоту, которая в Марселе жила вопреки всему: её упрямству, её дерзости.

Дойдя до своих покоев, он тихо прикрыл дверь, отрезав их от остального мира. Затем, склонившись над кроватью, осторожно уложил Марселу на одеяло. Она лежала неподвижно, ресницы чуть подрагивали, будто во сне она всё ещё боролась с чем-то невидимым. Не удержавшись, он лёгким, почти несмелым движением поправил прядь волос, упавшую ей на лицо, и тут же отдернул руку, будто обжёгся. Ему хотелось, чтобы она не открывала глаза сейчас: он не знал, что скажет, не знал, сумеет ли сохранить самообладание ещё раз.

Резко выпрямившись, Андрас отступил на шаг, словно расстояние могло вернуть ему привычную твёрдость. Он направился к столу, к разложенным там прошениям и отчётам, к вещам понятным, осязаемым, где каждое решение имело вес, а не рождалось из смутных порывов. Сев в кресло, он попытался сосредоточиться на строках, но буквы расплывались перед глазами, а в ушах всё ещё звучало её прерывистое дыхание, её бессилие, несвойственное ей.

Он стиснул пальцы на краю стола, заставляя себя думать о делах, о долге, о том, что он лорд, а не мальчишка, которого может сбить с толку один взгляд. Но где-то в глубине груди всё равно жило это странное, колющее чувство, которое описать он был не в силах и объяснить себе. И он остался сидеть там, время от времени бросая короткие взгляды в сторону кровати, чтобы убедиться: она дышит, ей спокойно, и пока этого было достаточно.

Звон в ушах был таким пронзительным, будто кто-то ударил в колокол прямо у меня над головой. Голова казалась тяжёлой. Я приподнялась на локти, оглядываясь с растерянностью, и только тогда поняла: это не моя комната. Стены, резные панели, тяжёлый узорчатый ковёр, всё здесь дышало властью и сдержанной роскошью покоев Андраса.

Медленно и нервно повернув голову влево, я увидела его. Он сидел за массивным столом, склонившись над свитками, и водил пером по пергаменту с той самой сосредоточенностью, с которой решал судьбу своей земли. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось так бешено, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Я лихорадочно перебирала обрывки воспоминаний: ванная, густой пар, бочки с водой... а дальше — пустота. И от этой пустоты становилось по-настоящему страшно.

Я осторожно, почти крадучись, отодвинула одеяло и тут же замерла, едва взглянув на себя. Тонкий шёлк ночной сорочки, который вчера казался уютным, теперь выглядел почти неприличным, он едва прикрывал то, что следовало скрывать. Меня захлестнуло волной стыда и злости на собственную беспечность. Как я могла так потерять контроль? Как могла оказаться здесь, в его покоях, в таком виде?

— Марсела, доброе утро, — спокойно произнёс Андрас, не поднимая глаз от документов. В его голосе не было ни насмешки, ни упрёка — лишь сдержанность, от которой становилось ещё неуютнее.

— А, да, — выдавила я с нервным смешком, резким движением подтягивая одеяло к самому подбородку, будто оно могло стать надёжной крепостной стеной между мной и всем этим кошмаром. — Доброе...

— Как себя чувствуешь? — он наконец поднял взгляд, и в уголках его губ мелькнула едва заметная улыбка. — Сегодня ты не такая приветливая, как вчера вечером.

— А что вчера было? — спросила я напряжённо, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно проскальзывали дрожащие нотки. — Как я оказалась в твоей кровати? Я бы сюда не пришла сама... даже под самым сильным заклинанием.

Андрас чуть склонил голову, и в его взгляде промелькнуло то самое ехидное выражение, которое всегда заставляло меня внутренне сжиматься.

— А ты сама как думаешь? — протянул он, явно наслаждаясь моей растерянностью.

Я замолчала, и в комнате повисла неловкая, звенящая тишина. Она длилась, казалось, целую вечность, пока Андрас не вздохнул, словно смиряясь с необходимостью всё объяснить.

— Не волнуйся, я сам тебя сюда принёс. Ты вбежала в ванную в полубреду — на тебе была морочка, довольно сильная. Ты уже не понимала, что делаешь, и я не мог оставить тебя одну, чтобы ты не натворила бед.

Он сделал паузу, будто подбирая слова, и тут же снова поддел меня:

— Хотя... коечто всё-таки было.

— И что же? — прошептала я, и голос мой дрогнул от страха перед тем, что сейчас услышу.

— Всего-то ты начала гладить мои грудные мышцы своими изящными пальчиками, — он сказал это почти буднично, но в его глазах плясали озорные искры. — Но не переживай: я быстро это прекратил. Пришлось применить немного грубой силы, чтобы вырубить тебя. Удар ребром ладони, дело привычное. Думаю, в трезвом уме ты сама предпочла бы такой исход, чем продолжать... ээ... проявлять ко мне столь пылкий интерес.

Я вспыхнула, чувствуя, как жар заливает щёки, шею, даже кончики ушей. Хотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть, раствориться в воздухе. Но вместе с тем где-то внутри шевельнулось странное, почти нелепое чувство благодарности.

— Спасибо, — проговорила я тихо, опустив глаза, и на этот раз в моём голосе не было ни капли притворства. — Вы поступили как настоящий джентльмен.

Андрас хмыкнул, откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня уже без насмешки — скорее с каким-то усталым пониманием.

— Не стоит благодарностей. Просто впредь будь осторожнее с подарками от незнакомцев. Эти благовония явно были зачарованы. Видимо, тот торговец хотел, чтобы мы страстно соединились в...

— Всё, всё, я поняла! — перебила я, поспешно натягивая одеяло чуть ли не до носа, будто оно могло защитить не только от взглядов, но и от самих этих слов. — Не надо продолжать.

— Думаю, голова у тебя сильно болит после вчерашних благовоний, поэтому я приготовил для тебя специальный чай — сказал Андрас, ставя на столик изящную фарфоровую чашку. Над ней вился лёгкий пар, а в воздухе разлился тонкий травяной аромат, он был терпким, чуть горьковатым, но удивительно успокаивающий. — Выпив его, ты быстро придёшь в норму.

— Не стоило... Вы и так для меня многое сделали, — проговорила я тихо, не в силах скрыть удивление. В груди разливалось непривычное тепло — такое, от которого хотелось одновременно и зажмуриться от удовольствия, и спрятаться, чтобы никто не заметил, как сильно оно меня задевает.

Я ведь всегда считала Андраса человеком холодным, расчётливым, тем, кто видит во мне лишь фигуру на своей политической доске. Он отдавал приказы, ставил задачи, оценивал полезность, и никогда не делал ничего просто так. А сейчас он заваривал для меня чай. И от этого внутри я становилась уязвимее, что мне сильно не нравилось.

— Я принёс тебе мантию, — негромко добавил он, кивнув в сторону небольшого пуфика, на котором лежал тяжёлый бархатный плащ с меховой оторочкой. Тёмносиний, почти чёрный, он выглядел тёплым и надёжным, словно сам обещал укрыть от любой неловкости. — Накинь. Не стоит сидеть тут в одной сорочке.

— Андрас, благодарю вас за столь порядочный жест. Отвернитесь, пожалуйста, я накину мантию, — проговорила я вежливо, но твёрдо, стараясь, чтобы в голосе не прорвалось ни раздражения, ни смущения, только спокойная просьба.

— А я что-то там не видел, — с этой своей привычной дерзкой ухмылкой бросил он, будто нарочно хотел сбить с меня эту собранность.

Я демонстративно громко вздохнула и закатила глаза, что-то я погорячилась с мыслями о его порядочности. Хватит уже играть в эти игры, будто мы то ли реально влюблённые, то ли герои какой-то нелепой баллады. Не дожидаясь ни разрешения, ни очередного колкого замечания, я решительно направилась к его личному санузелу, обернутая в одеяло и, не оглядываясь, закрыла за собой дверь.

Там, наконец-то в тишине и уединении, я быстро сбросила тонкую сорочку и закуталась в тяжёлую ткань мантии. Бархат приятно скользнул по коже, меховая оторочка мягко легла на плечи, и я вдруг почувствовала, как вместе с тканью на меня опускается и уверенность, теперь я снова могла смотреть Андрасу в глаза без этого унижительного ощущения уязвимости.

Когда я вернулась в комнату, он уже сидел у небольшого столика, не за своим обычным монументальным столом, где вершились дела, а здесь, в почти домашней обстановке, среди тонкого фарфора и серебряного чайника. На его лице не осталось и следа прежней насмешливости: он будто сам решил, что сейчас не время для колкостей.

— Присаживайся, — кивнул он на стул напротив, голос звучал ровно, без подтекста.

Я села, расправила складки мантии, чтобы они легли аккуратнее, и взяла чашку. Чай был тёплым, сладковатым, с лёгкой пряной нотой, и с каждым глотком головная боль действи-

тельно отступала, будто кто-то медленно ослаблял тугую повязку, стягивавшую виски. Мир становился чётче, звуки яснее, а мысли собраннее.

Я успела сделать ещё пару глотков, когда Андрас вдруг нарушил это хрупкое, почти уютное молчание. Его голос прозвучал не резко, но так, что я сразу выпрямилась, будто по команде.

— Давай, раз ты тут, поговорим о нашем деле — произнёс Андрас буднично. — Дэл, должно быть, тебе рассказывал, что в конце месяца состоится большой банкет в замке. Приедут самые знатные люди этих земель — можно сказать, опора власти. Это будет очень важное мероприятие, где я прямо заявлю о нашей помолвке.

Он говорил спокойно, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

— Нам следует подготовиться к этому дню, — продолжал он, чуть наклоняя голову, будто оценивал меня уже не как человека, а как полотно, на котором предстояло вышить нужный узор. — Подберём тебе наряд, пусть это будет не просто красивое платье, а то, что скажет о тебе всё, прежде чем ты откроешь рот. Ты должна изучить нормы этикета до того уровня, чтобы любая ошибка казалась невозможной. И, помимо этого, нам нужно провести репетиции наших взаимоотношений. Это совсем иной уровень, нежели подбрасывать сплетни городским кумушкам. На этом банкете каждый взгляд, каждый жест будут взвешивать, как золото на весах.

Я слушала, кивая, и пыталась удержать в голове все эти задачи, будто раскладывала их по полочкам: платье, этикет, репетиции...

— Понятно, — проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Когда приступаем?

— Дэл сказал, что почти подготовил план наших репетиций, — Андрас чуть приподнял уголок губ, и в этом движении мелькнула едва заметная ирония, будто он сам понимал, насколько нелепо звучит слово «репетиции» применительно к отношениям. — Думаю, начиная с завтрашнего дня. А сегодня у тебя пусть будет выходной после нашей бурной ночи, — подколол он, и в его голосе снова проскользнула эта привычная насмешливая нотка, от которой хотелось закатить глаза.

— Очень смешно — буркнула я, но без злости, скорее по привычке, чтобы не показывать, как сильно меня всё это тревожит. — Только не думай, что я буду целыми днями кружиться перед зеркалом и повторять: «Ваша светлость, позвольте подать вам салфетку».

Андрас хмыкнул, откинулся на спинку стула и посмотрел на меня уже без прежней строгости, скорее с каким-то усталым удовлетворением, будто видел, что я не сломалась, не рассыпалась от новостей, а готова принять вызов, пусть и с ворчанием.

— Никто не просит тебя становиться фарфоровой куклой, — спокойно ответил он. — Мне нужна не кукла, а женщина, которая сможет стоять рядом и не дрогнуть, когда на неё будут смотреть десятки глаз. Ты умеешь держать удар — это я видел. Теперь нужно, чтобы ты научилась держать его красиво.

— Ладно, — наконец кивнула я, делая ещё один глоток остывшего чая. — Но ты забудешь сегодняшнюю ночь.

— Я забуду о ней на весь день, — протянул Андрас с ленивой усмешкой, от которой у меня внутри всё невольно поджималось. — Но что будет ночью — не обещаю. Пожалуй, я позволю себе немного пофантазировать... о том, что было бы, не успей я вовремя отключить тебя от этого дурмана.

Я поспешно попрощалась, буркнув что-то невнятное про отдых и свежий воздух, и почти выбежала из покоев Андраса, пока он не успел заметить, как предательски горят щёки. Коридор встретил меня привычным холодом камня, и я почти бежала, словно могла оставить эту обитель неловкости за поворотом, запереть её там вместе с его словами, его чаем, его взглядом, от которого внутри всё путалось и сбилось с привычного ритма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.